

63.3/2Р-4 тУл/5
с 32

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТРУДЫ ТУЛЬСКОГО РАЙОН. БЮРО
КРАЕВ. И ТУЛЬСКОГО КРАЕВ. МУЗЕЯ.

В. Н. СЕРЕГИН.
М. Д. ФЕДОРОВСКАЯ.

ТУЛЬСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

в революции 1905—1907 г.г.

Тула МО. 1930 г.

ИЗДАНИЕ ТУЛЬСКОГО БЮРО КРАЕВ.
И ТУЛЬСКОГО КРАЕВ. МУЗЕЯ.

ТРУДЫ ТУЛЬСКОГО РАЙОН. БЮРО
КРАЕВ. И ТУЛЬСКОГО КРАЕВ. МУЗЕЯ.

В. Н. СЕРЕГИН.
М. Д. ФЕДОРОВСКАЯ.

ТУЛЬСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

В революции 1905—1907 г.г.

Тула МО. 1930 г.

ИЗДАНИЕ ТУЛЬСКОГО БЮРО КРАЕВ.
И ТУЛЬСКОГО КРАЕВ. МУЗЕЯ.

9/с/173(с132)
с32

Печатается по постановлению об-ва по изучению Туль-
ского Края и Совета Тульского краев. музея.

Председатель Правления
О-ва и Совета *Ф. Войтович.*

Предпосылки революции 1905—1907 г.г. в тульской деревне.

Как освободили крестьян в 1861 году.

«Крестьянин вышел из рук реформатора таким забитым, обобранным, приниженным, привязанным к своему наделу, что ему ничего не оставалось, как добровольно идти на барщину. И мужик стал обрабатывать землю своего прежнего барина, «арендуя» у него свои же отрезанные земли, подражаясь зимой—за ссуду хлеба голодающей семье—на летнюю работу. Отработки и кабала—вот чем оказался на деле тот «свободный труд», призвать на который «божье благословение» приглашал крестьянина манифест, составленный попом-иезуитом» (Ленин, том IX, стр. 264). Так оценивал помещичью реформу 19-го февраля 1861 года В. И. Ленин. Если эта характеристика являлась правдивой для всей страны, то для Тульской губернии она была правдивой тем более.

Тульская губерния принадлежала к центральной полосе черноземного края России. Засилье помещичьего землевладения здесь до чрезвычайных пределов усугубляло крепостнические стороны дворянской реформы. В результате реформы крестьянин черноземного края больше, чем в других губерниях царской России, остался безземельным, зависимым от барина, барской кабалы.

Назначенный правительством высший земельный надел для губерний черноземного края абсолютно не удовлетворял потребностей крестьянского земледелия и особенно в губерниях его центра. Он составлял в среднем по Орловской губернии 3,7 га, в Воронежской—3,6 га, Тамбовской—3,4 га, Рязанской—3,4 га, Тульской—3,3 га и Курской 3,2 га на ревизскую душу. Но и эта явно недостаточная норма не была получена крестьянами полностью. Во время размежеваний ее снова урезали в пользу господ.

В результате всей реформистской операции крестьян так обобрали землей, что они в конечном счете получили гораздо меньшие наделы, чем владели при крепостном праве. Эти так называемые отрезки по губерниям центральной полосы черноземного края были весьма значительны по своим размерам, не говоря уже о их качественности. Они равнялись в Воронежской губернии 39,4 проц., в Курской—38,0 проц., в Тамбовской—32,3 проц., Орловской—25,6 проц., Тульской—23,4 проц. и Рязанской—19,4 проц. на каждую ревизскую душу.

Насколько велика была земельная необеспеченность пореформенной деревни этих губерний, можно видеть из следующей таблицы:

НАИМЕНОВАНИЕ ГУБЕРНИЙ	Рев. душ всех разр. крестьян. в тысяч.	В том числе % помещич.	Земли получ. в тыс. гект.	В том числе % пол. пом. крест.	Средн. разм. надела в гект.	В том числе:	
						У гос. кр-в	У пом. кр-в
Тульская	494	81,4	1435	70,4	2,9	4,6	2,5
Рязанская	620	64,2	2086	51,5	3,5	4,6	2,7
Курская	791	44,1	2694	26,2	3,4	4,5	1,9
Орловская	623	57,7	2216	46,5	3,6	4,6	2,8
Тамбовская	825	46,5	3294	27,1	3,9	5,5	2,3
Воронежская	853	30,2	4169	13,3	4,8	6,1	2,2
Среднее	—	54,0	—	39,2	3,7	5,0	2,3

Таблица со всей яркостью отражает картину крестьянского малоземелья в губерниях черноземного центра. Но с особенной рельефностью она выделяет на этом фоне Тульскую губернию. В ней самый большой процент помещичьих крестьян и, как следствие, самый маленький земельный надел. Если в среднем, по 6-ти губерниям кр-кий надел равнялся 3,7 га на ревизскую душу, то в Тульской губернии всего лишь 2,9 га, или меньше на 26 пр., а против средней 47 губ в Европейской России на 41 проц., т. е. почти на половину (5,1 га на ревизскую душу). Преобладающий процент барских крестьян в Тульской губернии отразился на размерах земельного надела и бывших государственных крестьян. Они также получили в надел меньше на 9 проц. по сравнению со средним его размером в 6-ти указанных губерниях.

Наличие 81,4 проц. барских крестьян оставило в Тульской губ. на первом месте помещичье землевладение—эту главную опору крепостничества. Во владении помещиков в Тульской губ. находилось 46,1 пр. всех земельных угодий, в то время как в Орловской губ.—38,1 проц., Рязанской—35,4 проц. и Тамбовской—33,6 проц. Такое соотношение землевладения ставило в Тульской губ. капиталистическое развитие сельского хозяйства в невероятно тяжелые условия. И помещичье, и крестьянское хозяйство в ней, как нигде в Европейской России и даже в губерниях черноземной полосы, стояли перед огромным препятствием на пути этого развития.

Сосредоточив в своих руках лучшую землю, окруженный со всех сторон прикрепленными к парцельным наделам крестьянами, помещик с успехом продолжал хозяйствовать по-старому. После реформы 19-го февраля в Тульской губ. господствуют самые настоящие крепостнические порядки. «Почти все владельцы нашего околотка остались, как и крестьяне, при прежних сельскохозяйственных порядках»...—писал Кавелин о Тульской губ. в семидесятых годах. (М. Н. Покровский—«Очерк по истории культуры», ч. I, стр. 118).

Создав положением 19-го февраля возможность получать хорошую аренду, помещик менее всего был склонен возиться в земле и заниматься хозяйством вообще. Он всеми мерами старался задерживать ход выкупных операций и размежеваний крестьянских земель от господских. Даже после закона 1-го января 1883 года, уже в 1887 г., мы встречаем из 3.198 имений в одиннадцати крупнейших из них крестьян, не переведенных на выкуп.

В 1881 году на обязанном положении оставалось в Тульской губернии до 30 проц. всех ревизских душ. За время первых десяти пореформенных лет

выкупная операция захватила менее половины всего крестьянства. В 1871 г. крестьян, выкупивших свои наделы, насчитывалось 151,2 тыс., или 41,4 проц. Остальное население в количестве 213,5 тыс. ревизских душ продолжало быть в обязанном отношении. Из этого обязанного населения 48,4 проц. платило владельцам оброк, а 51,6 проц. отбывало натуральные повинности, т.-е. старую барщину. По уездам эта картина остатков крепостничества представляется в следующем виде:

У Е З Д Ы:	Ревизских душ в тысячах	Из них:		В том числе:	
		Перевед. в раз- ряд собствен. (в проц.)	Оставалось вр. обязанными (в проц.)	На повин. оброчной (в проц.)	На повин. отработочн. (в проц.)
Крапивенский . . .	29,8	33,7	66,3	50,7	49,3
Чернский . . .	33,6	30,1	70,1	22,1	77,9
Епифанский . . .	37,8	32,1	67,9	59,9	40,1
Богородицкий . . .	49,8	40,0	60,0	75,7	24,3
Ефремовский . . .	36,2	49,2	50,8	20,1	79,9
Новосильский . . .	25,6	52,3	47,7	22,1	77,9
Веневский . . .	29,9	47,8	52,2	66,5	33,5
Тульский . . .	25,1	41,4	58,6	17,6	82,4
Алексинский . . .	26,5	55,6	44,4	17,6	81,4
Каширский . . .	26,7	49,8	52,2	86,5	13,5
Белевский . . .	18,8	46,1	53,9	4,1	55,9
Одоевский . . .	25,6	26,2	73,8	30,6	69,4
Среднее . .	—	41,4	58,6	48,4	51,6

Только в 4-х уездах, двух черноземных—Богородицком и Веневском, и двух нечерноземных—Алексинском и Каширском, среди обязанного крестьянства был замечен некоторый сдвиг в сторону системы оброка. В восьми остальных уездах преобладающей формой производственных отношений между помещиком и деревней оставались отработки.

В. Бобринский. Душитель крестьян, руководитель черносотенного союза «за царя и порядок».

Итак, после десятилетнего действия закона 19-го февраля огромное большинство крестьян было попрежнему в барщинной зависимости от помещика. Изменилось теперь разве то, что за малейшее неисполнение работ на помещика или неуплату ему оброка у крестьян отбирали последнее имущество и землю. До оформления выкупных операций вошло в правило отбирать у крестьян за разного рода недоимки владельцам скот, постройки и землю. К концу 80-х гг., когда оскудение деревни достигло своего апогея, лишение крестьян наделов приняло массовый характер. В трудах ЦСК министерства внутренних дел о выкупных платежах мы находим об этом целый ряд сообщений со стороны земских деятелей губернии. Вот из них наиболее характерные.

В Ломовской волости, Богородицкого уезда, у крестьян дер. Милицы и Белоозера отрезали в 1875 году за недоимку оброка владельцу в первом 117 га из 407, во втором—103 из 424 га надела. После крестьяне этих селений переводятся на выкуп с уплатой по 2 руб. 45 к. за га. У крестьян деревни Ореховки, Малопокровской волости, отрезали в конце 80-х г.г. 51 га из 185 га надела. Эту землю крестьяне затем нанимали у владельца в аренду по 13 и 19 руб. за га.

Крестьяне, перешедшие в разряд собственников, не избавлялись также от барской неволи. Этот переход для них увеличивал лишь и так непосильный гнет. На ряду с выкупными платежами по ссуде казне их обязывали в течение 5-ти,

В таких домах жили помещики Бобринские и им подобные.

а иногда 10 и 15 лет оброком и работой на помещика. Земли в надел им отводились в уменьшенных размерах и к тому же самые худшие: овраги, пески и заполья. По этому вопросу в 1881 году земскими управами был собран весьма ценный материал. Из него мы и приведем наиболее характерные данные.

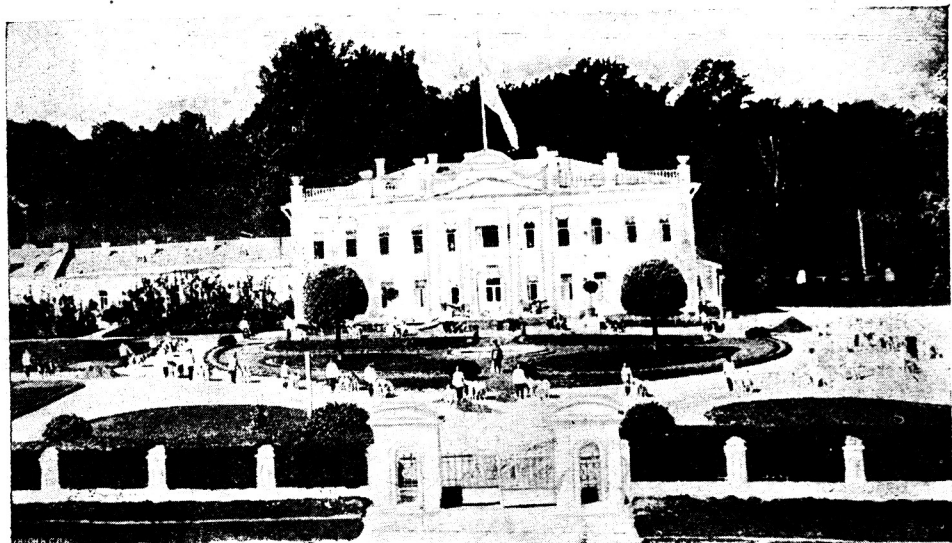
В селе Крюкове, Алексеевской вол., Богородицкого уезда, в основном участке одна шестая надела состоит из кочкового болота. В других двух участках земля удалена от усадеб, в первом на два километра и во втором на пять километров. В селе Тукове, Арсеньевской вол., половина наделов были недоброкачественные, которые или вовсе не пахались, или давали малый урожай. В Новоселках, Дедиловской вол., надел был суглинистый и не давал без удобрения хорошего урожая. К тому же до 50 проц. всей земли составляло особую дачу, удаленную за три километра от населения.

В дер. Белицы, Веневского уезда, наделы были расположены в двух километрах от дворов и сообщались узкой полосой прогона, по обеим сторонам которого тянулись барские земли. В Аксиньевской вол. во всех селениях, была выделена в надел земля суглинистая, бугроватая и давала постоянные недороды.

В дер. Мелыни, Знаменской вол., Новосильского уезда, наделная земля была выделена на полугоре покрытой рвами, где хлеб не родился совсем.

В селе Фединском, Белевского уезда, наделы состояли из клочков, разбросанных среди земель помещика Жданова. К наделам крестьян не было ни прогонов для скота, ни свободных проездов, и крестьянам невольно приходилось брать для этого у помещика землю в аренду.

В селе Пасынкозе, Ефремовского уезда, крестьяне на 155 ревизских душ недополучили в надел 39 га, за которые, однако, платили выкуп.

В таких дворцах помещики разводили псарни. (Псовый дворец Н. Н. Романова, в Першине).

Мало того, при оформлении выкупных сделок крестьян часто сгоняли целыми деревнями со своих усадеб на новые места, где не было ни водопоев, ни прочих хозяйственных удобств. Так, например, крестьяне дер. Даниловки, Крапивенского уезда, после выкупа (1875 год) были выселены на истощенные земли, где водопой от усадеб находился в двух километрах.

Реформа 1861 года была продолжением крепостничества в новых формах.

Латифундии помещика так обволакивали крестьянские земли, что крестьяне не знали, где их наделы. Они видели всюду вокруг своих селений барские угодья. Окруженный со всех сторон голодным и жадным до земли мужиком, помещик не находил никакого расчета создавать капиталистическое хозяйство в земледелии. Отрезки и строгий староста для него оставались и в пореформенные годы хозяйственным идеалом. К тому же сельскохозяйственный кризис, наступивший в 80-х г. г. вследствие развития железнодорожного и морского парового транспорта и в связи с этим наплыва на европейский рынок дешевого заокеанского хлеба,—в свою очередь явился новым фактором, способствовавшим укреплению старых отношений в деревне. В эти годы и передовые помещики, мечтавшие когда-то о капиталистическом хозяйстве, находили выход в крестьянской аренде.

Имена, обрабатывающие землю своим инвентарем и наемной рабочей силой, в годы кризиса стали еще более редким явлением, чем до него. Не было

такого помещичьего хозяйства в губернии, которое не сдавало бы землю в аренду.

Аренда была одной из самых рентабельных форм хозяйства для помещиков. Посредством аренды помещик получал гораздо большую норму прибыли, нежели при самостоятельном ведении хозяйства.

В 1887 году из 763,6 тыс. га пахотной помещичьей земли в аренде состояло 340,1 тыс. га, или 44,5 проц., в том числе—46,2 проц. исключительно на условиях отработок. Для большей иллюстрации приведем данные по уездам.

У Е З Д Ы	Всей пом. земли в тысячах гектаров	В том числе пахотной в тысячах гектаров	Сдавалось в аренду (в процентах)	В том числе на услови отработок (в процентах)
Крапивенский	83,3	63,7	39,2	40,1
Чернский	122,9	96,4	28,4	53,6
Епифанский	99,2	80,1	62,7	31,9
Богородицкий	111,4	89,6	68,6	66,6
Ефремовский	140,3	116,5	40,1	25,8
Новосильский	103,8	76,3	14,6	20,7
Веневский	81,5	59,8	62,1	73,2
Тульский	71,9	34,3	42,3	43,6
Алексинский	64,5	29,9	51,7	53,2
Каширский	71,4	44,8	53,1	35,6
Белевский	47,6	27,9	48,5	36,5
Одоевский	72,2	43,8	30,5	35,7
Итого	1070,0	763,1	44,5	46,2

Крепостническая система хозяйства, как видно из приведенных цифр, была широко распространена во всех уездах губернии. Правда, в двух черноземных уездах—Новосильском и Ефремовском—процент отработок равнялся 20,7 и 25,8 проц., т.-е. ниже среднего по губернии в первом на 25,5, а во втором—на 20,7 проц., но это нисколько не противоречит нашему выводу, во-первых, потому, что в Ефремовском уезде общий процент сдаваемой помещиками в аренду земли остается довольно высоким (Новосильский уезд, составляя около 8 проц. всего помещичьего землевладения губернии, в данном случае является мало характерным), во-вторых, потому, что капиталистическое развитие задерживалось не только отработочной арендой, но и всякой другой ее формой вообще. Там, где огромная часть барских земель обрабатывалась крестьянским инвентарем и находилась в чересполосном владении с крестьянами, и денежная форма аренды должна была принимать своеобразный натурально-крепостнический вид.

Все эти земли сдавались целыми полями обществам, которые их делили между собой также мелкими полосами, как и надельные. Эта подесятинная сдача земли селениям являлась не чем иным в руках помещиков, как тем орудием, с помощью которого они превращали «свободного» крестьянина в барщинного «рабочего», отдающего свой труд по ценам, регулируемым голодом.

За гектар барской аренды крестьянин нередко работал на помещика полтора и два гектара своим инвентарем, приплачивая к тому по 5 и 7 руб. за гектар деньгами. Такая форма аренды встречается по всей губернии и особенно была развита в Епифанском и Богородицком уездах. В этих уездах,

равно как и в других черноземных, даже помещики, владевшие винокуренными, крахмально-паточными, свекло-сахарными и др. заводами по переработке с/х. продуктов, или совсем не заводили своего хозяйства, или вели его на небольшой площади земли.

В Елифанском уезде, у господ Самариных, в Молоденском имении с хуторами свыше двух с половиной тысяч гектаров земли обрабатывалось крестьянами сдельно. За каждый гектар аренды крестьяне вносили по 7 рублей деньгами и работали один гектар на владельца, который требовалось три раза вспахать, посеять, прополоть, скосить, связать и перевезти в скирды, вывезти 12 возов навоза. Стоимость такой работы оценивалась в 7 рублей.

В Богородицком уезде у графов Бобринских—этих крупнейших земельных магнатов дворянской. России (только в Тульской губ. владели свыше 50 тыс. гектаров) и к тому же крупнейших представителей сахарной, винокуренной

В таких домах жила беднота быв. Елиф. Богородицкого и др. уездов (быв. владений Бобринских).

и крахмально-паточной промышленности—обрабатывалась большая часть земли крестьянским инвентарем.

В Михайловском имении, при котором был устроен винокуренный завод, Малевский хутор, где тоже был винокуренный завод, обрабатывали свыше пяти тысяч га земли крестьянским инвентарем окружающих селений.

Сдаваемая в аренду земля в этих имениях оценивалась по 15 рублей за гектар. Но деньги тут служили лишь мерилем стоимости, средствами же платежа оставались продукты. Крестьяне на взятой в аренду земле обязывались сажать картофель, которым они и вносили условленную арендную плату. Цена на картофель устанавливалась Бобринскими от 36 до 45 копеек за гектолитр (на рынке, в среднем, 1 руб. 10 копеек).

Таким образом, считая средний урожай картофеля в южных волостях Богородицкого уезда в 63—73 гектолитра с гектара, получается, что крестьяне платили Бобринским поземельную ренту, равную 33—37 гектолитрам, или 60 проц. всего урожая. Словом, крестьяне работали на этих господ за 10—12 рублей гектар с доставкой готового продукта на место, в то время как стоимость обрабатываемого гектара самим имением, высчитанная по хозяй-

ству Шатилова (Новосильский уезд) и хозяйству Стебута (Ефремовский уезд), равнялась 18—22 рублям.

Высокая рента оставляла крестьянина из года в год недоимщиком, и он вынужден был соглашаться в дальнейшем на любые условия помещика. Так и другие формы аренды становились крепостническими. При помощи их землевладелец обеспечивал себя не только рентой, как это бывает при капиталистических отношениях, но и крестьянским инвентарем и рабочей силой. У тех же Бобринских крестьяне Балахны, Упертовки, Ильинки и др. селений за взятую аренду отбывали работы на свекло-сахарных плантациях, на сахарном и винокуренных заводах.

Так посредством отработочной аренды помещики продолжали осуществлять свое прежнее господство над пореформенной деревней. В этом и состояла экономическая сущность отработочной системы. Отработки—„это есть не что иное, —говорит Ленин,—как дальнейшее развитие крепостничества. Основой эксплуатации является не отделение рабочего от земли, а принудительное прикрепление к ней крестьянина, не капитал собственника, а его земля, не инвентарь владельца латифундий, а старая соха крестьянина, не процесс земледельческой культуры, а старая, долготелная рутина, не «вольный наем“, а закабаление ростовщичеству». Ленин, т. XX, ч. 1-я, стр. 274).

Техника и система сельского хозяйства в пореформенные годы.

Крепостнические отношения в землевладении держали на старом уровне натурально-переложного хозяйства всю систему земледелия и его технику. «Приемы возделывания почвы в продолжение столетия почти-что не изменялись»,—докладывал в 1900 году губернской сельскохозяйственной комиссии о состоянии сельского хозяйства губернии землемер земской управы Соттири. Соха оставалась главнейшим орудием среди мертвого инвентаря. Плуг и другие усовершенствованные орудия проникали как в крестьянское, так и в помещичье хозяйство крайне медленно. Это можно видеть хотя бы из следующей таблицы об операциях склада губернского земства.

Продано губернским с/х. складом наличных и комиссионных товаров:

Г о д ы	Земледельч. орудия и машины	Косы и серпы	Мелкие изделия и скот. товары	Итого на сумму	Остаток склада на 1-ое д.
	В р у б л я х				
1896 г.	403,7	—	—	403,7	—
1897 г.	5.710,7	9.286,1	1.980,6	16.997,5	4.037,7
1898 г.	10.036,2	4.324,7	3.614,1	17.9 5,2	15.513,2
1899 г.	15.064,5	1.038,1	3.623,7	19.726,3	14.126,2

При незначительных размерах торговых операций склад увеличил за последние три года оборот торговли на 16 проц, тогда как процент непроданных товаров за это время возрос в два с половиной раза. Данное явление говорит, несомненно, о том, что основная масса деревни пользовалась складом земства только в мелких покупках. Этого не скрывают и сами деятели земства. «Клиентами склада являются почти исключительно землевладельцы. Крестьяне покупают, главным образом, косы»,—читаем мы в отчете земства.

Что крестьянство в основной своей массе не покупало усовершенствованных машин и орудий, подтверждается еще следующим. За указанные 4 года

было продано складом одно- и двухлемешных плугов лишь 429 шт. Правда, за то же время крестьяне приобрели непосредственно со склада завода Головина 491 плуг и до 650 плугов в каширском складе уездного земства.

Следовательно, на 214 тысяч крестьянских хозяйств к началу XX века крестьяне купили до полутора тысяч плугов. Допустим, что они еще покупали самостоятельно плуги на других мелких заводах, действующих в губернии, и что цифра их была вдвое больше,—так и тогда на тысячу дворов мы получаем только 14 плугов. Правильность нашего расчета с его некоторым преувеличением против действительности вполне подтверждается следующими данными по двум уездам. По данным земской управы, на 18 тыс. крестьянских дворов в Епифанском уезде насчитывалось в 1889 году 154 плуга, или 8,5 штук плугов на 1000 домохозяев. В нем даже у зажиточных крестьян, владеющих земельным наделом свыше 27 гектаров на двор, приходилось лишь 87 штук плугов на 100 домохозяев.

В Алексинском уезде по сведениям земской управы в Широновской вол. плуги имелись в пяти имениях, а среди крестьян Варфоломеевской волости

Здание быв. Малевского волостного правления (быв. Тульский уезд), где в 1906 году расправл. с малевскими крестьянами.

в семи селениях—у 49-ти домохозяев. И это в сельскохозяйственных волостях того уезда, где культурные формы хозяйства расчищали дорогу капитализму успешнее, чем в остальных уездах губернии.

Насколько медленно проникал усовершенствованный инвентарь в сельское хозяйство Тульской губернии, показывает то, что последний (главным образом, плуги и бороны с железными зубьями) встречался к концу XIX века на 100 хозяйств частновладельческих в 23, а в крестьянских только в 10.

Примитивная техника сельского хозяйства покоилась всецело на отсталой трехпольной системе земледелия. К началу XX века хозяйств с многопольной системой среди помещиков было около 5 проц. Среди крестьян эта новая форма полеводства совершенно не находила своего применения. О травосеянии не слышно было в самых северных нечерноземных уездах, смежных с Московской губернией, где в 1899 году 22 проц. наделных земель находилось под посевами трав.

Расслоение пореформенной деревни.

Для поднятия культуры и производительности труда тульский крестьянин, как и во всей России, особенно в ее черноземной полосе, не имел ни денежных оборотных капиталов, ни политических прав, ни знаний.

Колоссальный государственный бюджет, выросший с 1862 года по 1903 г. с 417 млн. рублей до 2.072 млн., ложился всею тяжестью на деревню. Личность крестьянина попиралась в самых элементарных правах человека. Сельское и волостное самоуправление, с введением в 1889 г. положения о земских начальниках, окончательно было превращено в послушный аппарат по сбору податей и повинностей с крестьянского сословия. Земским начальникам вручались неограниченные права в деревне. Они разрешали уголовные и семейно-бытовые дела, применяли административные взыскания и телесные наказания. Ст. 61-я положения, дающая право земским начальникам налагать штраф до 6-ти рублей или арест до 3-х дней за неисполнение его требований в административном порядке без всякого формального производства, применялась в Тульской губернии 2678 раз в год, а всего за 9 лет (1891—1899 г.г.)—24.103 раза. За это же время земскими начальниками губернии было применено 2124 телесных наказания.

Первоначальное сельское образование находилось в руках церкви, темной силы попов и служило средством воспитания в крестьянских массах уважения к религии, к власти и к чужой собственности. По первой всероссийской переписи 1897 г. грамотного населения среди деревни Тульской губ. насчитывалось только 17 проц.

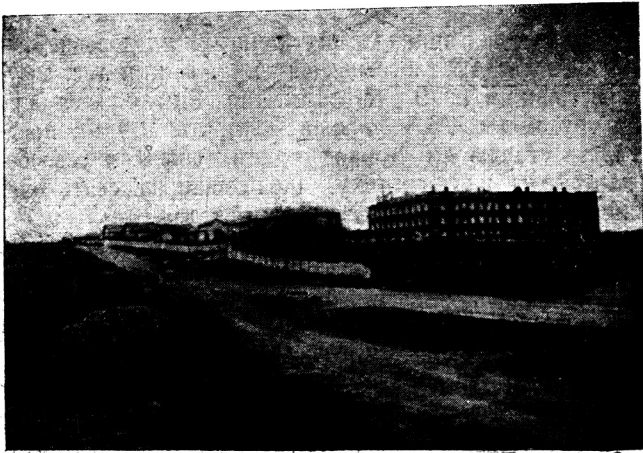
Но крестьянин для развития нового товарно-капиталистического хозяйства не имел самого главного—это достаточного количества земли. Все остальные бедствия—бедность, неграмотность и проч.—порождались именно этой основной причиной, глубоко лежащей в социальных корнях экономических и общественных отношений полицейского строя.

Карликовые наделы крестьян к началу XX века, с приростом сельского населения, превратились в мельчайшие парцеллы. На них невозможно было вести никакого хозяйства. Насколько это верно, можно видеть из следующих данных наделного землевладения по статистике министерства внутренних дел за 1905 г. по группам.

Группа владений	Дворов	о/о/о	Земли	о/о/о	В ср. гектар. на двор
	Количество		Гектар.		
1 га имения	3.934	1,9	2.629	0,2	0,6
1—2 гектар	4.991	2,3	8.329	0,5	1,7
2—5 гектар	51.298	24,0	222.774	15,8	4,2
До 5 гектар	60.233	28,2	232.707	15,8	3,8
5—9 гектар	144.489	53,4	781.922	53,2	6,9
9—16 гектар	37.410	17,4	398.197	27,2	10,7
5—16 гектар	151.899	70,8	1.180.219	80,4	6,6
16—33 гектар	1.543	0,8	30.529	2,1	19,9
Свыше 33 гектар	398	0,2	23.604	1,7	59,0
Свыше 16 гектар	11.942	1,0	54.117	3,8	28,0
Всего	214.063	100,0	1.468.133	100,0	6,9

Из таблицы явствует одно, что из 214 тыс. крестьянских дворов могли развивать самостоятельное хозяйство лишь 1,9 тыс. или 1 проц. В руках этой группы находилось 3,8 проц. всей надельной земли или в среднем по 28 га на двор. Из второй группы хозяйств, владение которых равнялось в среднем 6,7 га на двор, имели некоторую хозяйственную способность только 17,4 проц. хозяйств с владением от 8,7 до 16,4 га на двор. Остальное крестьянское население губернии в количестве 81,6 проц. хозяйств было подвержено такому малоземелью, которое держало их на уровне всякой хозяйственной неспособности.

Несомненно, что 53,4 проц. хозяйств, владевших от 5,5 до 8,7 га на двор, не могли развивать не только товарного хозяйства, но и хозяйства продовольственно-потребительского. На полутора—двух гектарах в поле не было никакой

Быв. Богородицкое с/х училище, где в 1905 г. был с.-д. кружок, руковод. аргарным движением в районе Богородицка.

возможности иметь излишки хлеба и, следовательно, заводить скот и инвентарь. Что же касается хозяйств с наделом от 5,5 и менее гектаров, то они буквально утрачивали к концу XIX века всякую способность заниматься земледелием. Владельцы таких наделов были вынуждены уходить на сторону и отдавать свои земли зажиточным хозяйствам или совсем, или за обработку огородных земель, за соломой на топку, пуд муки и проч.

В отдельных уездах процессе классового расслоения деревни был еще более заметным. В Епифанском уезде 0,5 проц. крестьянских дворов имели 3,4 проц. всех наделов, а 51,1 проц. дворов всего лишь 33,8 проц. Тогда как у первых приходилось на каждое хозяйство по 36,6 га,—у вторых только по 3,7 га. В Ефремовском уезде у 2,8 проц. хозяйств было сосредоточено 12,7 проц. наделов или столько же, сколько у 30 проц. хозяйств, владевших в среднем по 3,2 га на двор.

Следовательно, земельная необеспеченность крестьянства усугублялась еще неравномерностью надельных земель, их мобилизацией в руках крепких хозяев, расслоением деревни. Надельные земли все больше и больше переходили в руки зажиточных дворов.

Мобилизация арендных земель.

К началу XX века у той же верхушки деревни концентрировались и арендные земли. «Вся масса арендных земель сосредоточивается в руках зажиточного или, по крайней мере, достаточного крестьянства. Наиболее же нуждающиеся в земле слои населения не находят себе места среди арендаторов»,— сообщает из Епифанского уезда земская управа.

В начале 90-ых годов, после того как мировой с/х. кризис сменился новым подъемом хлебных цен на европейском рынке, необеспеченное крестьянство неуклонно вытесняется из сферы аренды. Отработочная система прогрессивно сменяется денежной арендой. Вместе с тем начинают безудержно подниматься

арендные цены земли. За последние 5 лет они возросли более, чем в два раза, достигая в 1902 году 19—24 руб. за гектар пашни. Конечно, такие условия аренды барской земли могли быть возможны только зажиточным крестьянам, ведущим товарно-капиталистическое хозяйство. И если беднота, а равно и среднего достатка крестьянство нанимали аренду, то только при условии заработков на стороне. Иначе им нечем было уплачивать землевладельцу ренту, т. е. хлебных и других товарных излишков в их сельскохозяйственном хозяйстве не имелось.

Отработочная аренда, которая еще находила место среди других форм аренды, становилась также непосильной большинству деревни. Изменившиеся условия аренды вообще отразились и на отработочной системе аренды. Отдавая землю на условиях отработок, помещик требовал теперь от крестьянина лучшей вспашки, удобрения, посева определенных культур и определенного их чередования.

«Сдаваемая мною в аренду земля принадлежит к числу плодородной, — писал один помещик из Тульского уезда, корреспондент мин. зем. и гос. имуществ, — которая снимается крестьянами по 9 руб. за гектар. Но так как я беру с них аренду не деньгами, а трудом (за 76,5 га аренды убрать 109 га, представляя чистое зерно—В. С.), то ставлю им условие при их обычном севообороте сажать на 2-м году картофель или гречиху. Желющие же сеять овес обязываются класть на овсянницу по 100 куч навоза на гектар».

Ясно, что хозяйства, не обеспеченные наделом, скотом и инвентарем, не могли арендовать помещичьей земли и при отработочных формах аренды. Она для них все больше становилась неприемлемой и не только по своей кабальной сущности, но и, главным образом, по экономическо-хозяйственной невыполнимости.

«20 лет тому назад, вследствие более высокого уровня благосостояния большинства крестьян, являлось более охотников арендовать земли. Теперь же нанимают земли одни лишь самостоятельные крестьяне», — докладывал в 1903 г. в губ. комитете о нуждах с./х. промышленности представитель чернского земства.

Что арендные земли находились в руках кулацкой деревни, показывают следующие данные по Епифанскому уезду:

ХОЗЯЙСТВ. ЗАСЕВ.	Имеют на сто дворов:				На двор га земли		На 100 аренд.	
	Наделъ пашни	Безполад- ных	Без инвен- таря	Аренда- торов	Наделъ- ной	Аренд- ванной	Аренд. на 1 год	Долго- срочн.
До 1 га. . . .	98,1	92,2	99,5	3,6	0,1	0,5	70,3	29,7
1—2 га. . . .	99,2	79,9	34,6	13,1	1,7	0,8	54,0	46,0
2—5 га. . . .	99,5	24,0	20,0	52,1	2,9	1,7	47,4	52,6
5—10 га . . .	90,5	1,5	1,0	86,1	4,3	3,6	39,3	60,7
Свыше 10 га . .	99,5	1,1	—	95,0	5,7	9,7	37,6	62,4

Как видим, чем беднее хозяйство, тем меньше оно нанимает земли, тем кабальнее условия этого найма. Крестьяне с посевом до 2-х га арендовали, как это показывает таблица, незначительное количество земли и почти исключительно на срок одного года. А нам известно, что при годовой аренде стоимость гектара всегда стояла выше, чем при многолетней аренде. Так, например, в Ефремовском уезде, где, наряду с мелкой годовой арендой была развита крупная аренда на продолжительные сроки, один гектар аренды на год стоил 25 руб., а при найме крупными участками (хутор, имение) и на года от 9 до 13 рублей. То же и по другим уездам.

Мобилизация купчих земель и политика Крестьянского банка.

Если для 81,6 проц. крестьянских хозяйств аренда помещичьей земли становилась невозможной, то покупка ее для них была еще менее вероятной. Вследствие слабого проникновения капитализма в земледелие, процесс ликвидации помещичьего землевладения протекал недост. интенсивно. Хотя к 1904 году помещиками и было заложено в различных кредитных учреждениях до 73 проц. земель, но потеряли они к тому времени всего лишь около 30 проц. всего земельного владения. В руках помещиков оставалось к 1905 году 772 тыс. га земли, или 64 проц. частной поземельной собственности и 29,5 проц. общей площади земли губернии. К тому же ликвидируемые земли при помощи открытого в 1887 году отделения Крестьянского поземельного банка взвинчивались помещиками в цене так, что их нередко оказывались не в состоянии купить и зажиточные крестьяне. Вот данные о движении цен на землю, которые со всей яркостью говорят об этом.

Г О Д Ы	Стоимость 1 гект. пашни в руб.	В о з р о с л о		Стоимость 1 гект. пашни в рублѣх	В о з р о с л о	
		За средн. ряд лет в проц.	За 1 год в проц.		На проц.	За 1 год в проц.
	В черноземных уездах			В нечерноземных уездах		
С 1887—1894 г. . . .	114,9	—	—	71,4	—	—
С 1895—1900 г. . . .	127,2	10,7	1,8	94,5	32,4	5,4
С 1901—1904 г. . . .	141,9	11,5	3,8	116,6	23,7	7,9
За 9 лет	24,8	23,5	2,6	41,8	63,8	7,1

В то время, как цены на землю росли с гигантской быстротой, выравниваясь по всей губернии, заработная плата крестьянина, уходящего на заработки, не только оставалась в старых размерах, но и постепенно понижалась. В 1895 году взрослый мужчина мог заработать в год от 53 до 91 рубля. В 1904 году его заработок колебался от 56 до 83 руб. в год. Хлебные цены оставались также далеко позади возрастающих цен на землю.

Таким образом, условия покупки крестьянами помещичьих земель с каждым годом становились все тяжелее. Это еще подтверждается и данными о ссудах, выдававшихся покупателям Крестьянским поземельным банком. Данные эти мы приводим по трем уездам, из которых первый является характерным для всех черноземных уездов, второй—для нечерноземных и третий—как уезд, представляющий особую индивидуальность, с широко развитыми кустарными промыслами.

У Е З Д Ы	До 1896 г.		С 1896—1904 г.		Увелич. против пр. лет в проц.		
	Цена гект.	Ссуда	Цена	Ссуда	Цена	Ссуда	Допл.
Епифанский . . .	103,8	90,2	144,8	105,7	39,5	16,0	382,0
Одоевский . . .	55,4	43,4	109,9	75,8	100,9	73,2	250,0
Тульский . . .	82,6	51,8	100,4	61,6	23,0	18,4	37,0

Как видим, самые тяжелые условия покупки были в черноземных уездах, где особенно остро стоял вопрос земли.

Крестьянский банк и не ставил своей целью содействовать расширению землеуладения малоземельного крестьянства. Его задачей было, во-первых, поддерживать помещичье сословие и, во-вторых, оказывать помощь капиталистической части деревни. Ликвидация помещичьих земель проводилась именно под этим углом. С этой задачей, надо сказать, тульское отделение банка справилось блестяще.

К 1904 году из приобретенных крестьянами при содействии банка 96258 га земли на долю общественных покупок ложилось 19,9 проц., товарищеских—79,6 проц. и единоличных—0,5 проц. Следовательно, на первом месте покупателей были зажиточные крестьяне. Они все больше оттесняли при покупках помещичьих земель общества, в которых могли принимать более широкое участие крестьянские массы деревни. Если до 1896 года из 15391 га земли, купленных крестьянами с содействием банка, на долю сельских обществ приходилось 8534 га или 55,4 проц., то с 1896 года по 1904 год только 10707 дес или 13,2 проц. За последние пять лет движение этих сделок было таково:

Г О Д Ы	Общества	Товарищес- тва	% купленной обществ. земли к товарище- ской
1899 г.	22	58	29,0
1900 г.	14	80	16,6
1901 г.	15	79	15,5
1902 г.	10	118	4,5
1903 г.	8	111	3,7
1904 г.	8	92	7,8

Товарищеские сделки возрастали и в размерах на каждую покупку. До 1896 года сельские общества покупали, в среднем 129,2 га, с 1896 г.—по 121 га и за последние 3 года—по 98 га, Товарищества же до 1896 года—по 86 га, а с 1896 года—по 142 га и за последние 3 года—по 159 га на каждую покупку.

В соответствии с этим изменялись и размеры земельных участков на двор. В 1891 году в общественных покупках приходилось по 2,8 га, а в товарищеских—по 6,7 га, тогда как в 1903 году соответственно—по 2,3 га и 7,1 га на двор.

Насколько жестоко проводилась классовая линия отделением поземельного банка Тульской губернии, можно видеть более ярко из следующей таблицы:

ГУБЕРНИИ	Средняя цена одно- го гектара	Цена одного гект. купл.			Ссуды на один гект.			
		Сельскими общест- вами	Товари- ществами	Отдель- ными лицами	Средн.	Сельскими обществ.	Отдель- ными ли- цами	Товари- ществами
Орловская . . .	184,8 руб.	201,1	183,0	150,0	78	75	65	78
Курская	181,2 „	145,4	198,7	198,7	83	100	69	78
Тамбовская . . .	153,4 „	154,9	152,7	174,5	92	97	75	91
Рязанская . . .	147,5 „	144,6	147,5	168,4	86	77	71	88
Тульская	140,2 „	159,6	132,2	121,4	81	69	82	84
Воронежская . .	125,1 „	111,0	147,2	126,4	87	92	74	83
Средн. по 6 г.	155,5 руб.	133,9	162,0	165,2	85	94	73	84

Приведенные данные подтверждают тот факт, что тульский крестьянин пользовался ссудам и на покупку земли в меньших размерах, чем его соседи. Среди 6-ти губерний в Тульской губернии, в среднем, цены на землю были; ниже на 10,0 проц. и ссуды банка—на 4 проц. Но это только в среднем.

Отдельно же по общественным покупкам цены на землю стояли выше средних 6-ти губерний на 19,2 проц., а ссуды ниже на 23,0 проц. По товарищеским и единоличным покупкам, наоборот, цена земли в Тульской губернии держалась банком ниже средней указанных 6-ти губерний по первым—на 17,4 проц., а по вторым—на 27,9 проц. Ссуды по товарищеским покупкам, давая среднюю, занимали третье место среди 6-ти губерний, а по единоличным они превышали ее на 8 проц.

В результате такой политики отделения поземельного банка крестьяне Тульской губернии переплатили при покупках помещичьих земель против своих соседей много лишних денег. Вследствие этого они являлись самыми неисправными плательщиками крестьянскому банку по ссудам. Следующие данные о недоимках по трем губерниям вполне подтверждают это:

ГУБЕРНИИ	Недоимочность к концу года в %/о к годовой сумме							
	1896 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.
Тульская	88,9	75,7	41,3	41,0	23,7	13,2	14,1	18,5
Курская	112,6	78,3	48,1	37,2	25,8	8,6	7,8	9,0
Рязанская	51,1	51,3	30,9	29,1	12,2	13,3	14,4	16,0

Приведенные суммы недоимок исключительно числились банком за обществами, и, несомненно, Тульская губерния выделяется высоким процентом недоимок только потому, что условия ссуды в ней были обременительней, чем в двух последних губерниях. Вследствие этого же в Тульской губернии было продано из общественных покупок к 1901 году за недоимки по ссудам банку 20,7 проц. всех приобретенных земель.

И так, ни аренда и ни покупка помещичьих земель не разрешили аграрного вопроса в деревне. Этот путь расширения крестьянского землевладения, а с ним и улучшения хозяйства вообще в Тульской губернии во всей России был неприемлем для абсолютного большинства деревни, по крайней мере для 81,6 проц. крестьянских дворов.

Еще в большей мере становилось невозможным расширением крестьянского землепользования путем присоединения к пашне новых земель. К XX веку оказалось распаханным все, что можно было распахать при экстенсивных формах хозяйства. В пашни были превращены луга и выгоны. Распаханность крестьянских полей доходила в нечерноземных уездах до 84,6 проц. и в уездах черноземных—до 95,2 проц., а посевная площадь все-таки сокращалась.

К 1904 году размеры посевов по сравнению с 1861 годом сократились на 37,2 проц. и составляли на наличную душу 0,62 га земли, тогда как по всей черноземной полосе—0,74, а в Германии—1,13 и Дании—1,38 га на душу сельского населения.

Упадок животноводства.

Отсутствие лугов и выгонов для пастбищ пагубно отразилось на скотоводстве. О состоянии крестьянского скотоводства показывают следующие данные по рабочему скоту:

ГОДЫ	Л О Ш А Д Е Й				
	Всего	В рабочем возрасте		В процентах	
		Количество	% %	Вообще	В рабоч. возр.
1864 г. .	339,446	246,437	72 3	100	100
1883 г. .	332,437	239,190	70,2	97,9	97,0
1899 г. .	288,586	184,709	64,0	85,0	74,9

Приведенные цифры свидетельствуют о неуклонном падении количества рабочего скота. Если за первые 24 года число лошадей уменьшилось на 2,1 проц., а в рабочем возрасте на 3 проц., то за последующие 11 лет оно достигает соответственно 13,2 и 22,8 проц. По группам владения этот процесс обнищания деревни представляется еще ярче. Это можно видеть из следующей таблицы:

ГОДЫ	Дворов в процентах			Процент хозяйств, влад. на двор				
	Всего	Лошадь	Безлош.	1 шт.	2 шт.	3 шт.	4 шт.	5 и более
1888 г. . . .	170,9	78,8 %	21,2 %	28,5 %	31,2 %	21,2 %	10,8 %	8,3 %
1893 г. . . .	181,7	73,1 „	26,9 „	42,6 „	33,2 „	14,8 „	5,7 „	3,7 „
1899 г. . . .	190,8	72,2 „	27,8 „	37,9 „	34,0 „	16,8 „	7,0 „	4,3 „

Разорялась не только бедняцкая и середняцкая часть деревни, как показывает таблица, но отчасти и ее верхушка. Владельцы от 3-х и выше лошадей на двор с 1888 года по 1899 год, т.-е. за 11 лет, потеряли до 30,8 проц. голов рабочего скота. Правда, тут необходимо иметь в виду, что зажиточные хозяйства заводили усовершенствованный с./х. инвентарь и не имели большой нужды увеличивать живую рабочую силу. В отношении же остальных групп хозяйств, бесспорно, надо объяснять необеспеченность тягловой силой не чем иным, как их общим обнищанием. Это хорошо видно из тех колонок таблицы, где показывается число безлошадных хозяйств и хозяйств, владеющих по одной и по две головы на двор. Процесс разорения в этих хозяйствах как видно из цифр, шел с головокружительной быстротой. Общую необеспеченность тульского крестьянина лошадью можно видеть еще и из того, что в Тульской губернии на 109 га обрабатываемой крестьянами земли приходится всего лишь 10,6 штук рабочего скота, тогда как во Франции—10,7, в Англии—11,5, в Германии—11,9, в Венгрии и Дании—17,2.

Стало-быть, в странах Запада, где господствует на пашне машина, обеспеченность земледелия рабочим скотом была гораздо выше, чем в Тульской губернии (как и во всей России), где преимущество этого господства бесспорно оставалось за мускульной силой.

Не лучше было положение и в отношении крупного рогатого скота. За 31 год его количество сократилось на 1,4 проц., а по отношению числа сельского населения—на 28,0 проц. В 1864 году на 100 душ крестьянского населения в Тульской губ. приходилось в среднем 25 голов, в 1874 году—18,2, а в 1895 г.—16,1. Между тем как по 47 губерниям Европейской России приходилось на 100 душ сельского, населения 25 штук рогатого скота, в Германии—34, во Франции—85, в Финляндии—56. в Соединенных Штатах Сев. Америки—34 головы на 100 душ сельского населения.

Урожай и сбор хлебов.

Необеспеченность деревни скотом, являясь следствием малоземелья и отсталости, становилась, в конце концов, одной из существеннейших причин малых сборов хлебов и хронических неурожаев. Скучность скотоводства отражалась на технике обработки крестьянских полей и на их удобрении. Собранные по

этому вопросу экономическим отделом с.-х. статистики при министерстве земледелия и гос. имуществ материалы без исключения говорят о том, что крестьянские земли в огромной доле оставались без всякого удобрения

Удобрение полей производится редко,—указывают корреспонденты. И особенно редко под яровые хлеба. Но и озимый клин удобряется в незначительных размерах: обыкновенно в пятой, а местами в восьмой в десятой части. И только среди помещичьих хозяйств изредка встречается, когда удобряемые участки достигают половины или одной трети озимого поля.

Последовательность удобрения одной и той же площади в помещичьих хо-

Группа крестьян с. Люторичи, участн. аграрн. беспорядков в 1905 г.

зяйствах колебалась от 6 до 12 лет, а в крестьянских—от 15 до 40 лет. Большая часть земель не получала удобрения вовсе. По данным епифанского уездного земства 20,3 проц. наделных земель не удобрялось совершенно, при чем на остальную площадь пашни навоз вывозили только 79,9 проц. хозяйств, обрабатывавших свои наделы.

Ржаная солома употреблялась в топливо, на крыши и, наконец, для хозяйственных нужд продавалась на рынок. В результате годовой скоп навоза от штуки крупного скота не превышал в крестьянском хозяйстве 13 возов, что давало около 29,9 возов на гектор, тогда как при среднем увале его требовалось от 100 до 130 возов на гектор. Но и из этих запасов навозного удобрения большая часть сжигалась в печах.

Вопиющая земельная необеспеченность крестьянства вела к недостатку рабочего и другого скота и укрепила хищнические формы хозяйства в деревне.

Техническая отсталость и отсутствие удобрения полей понижали и до того малую урожайность. Если в первом десятилетии после реформы урожай гектара посева ржи давал 0,9 тонны, а овса 1 тонну, а в последующие—0,8 и 0,82 то в последнее десятилетие XIX века только 0,7 и 0,8 тонн с гектара. В помещичьих хозяйствах, за исключением незначительного числа «культурных» хозяйств, в роде Стебута и Шатилова, урожай с гектара был не выше крестьянского.

С понижением урожайности валовой сбор зерновых хлебов сократился за указанные выше годы на 14,3 проц., отдельно в крестьянских хозяйствах—на 14,2 проц. В 1864 г. в губернии было собрано всех зерновых культур 1,134.109 тонн в том числе крестьянскими хозяйствами—609.414 тонну, или 53,7 проц. общего сбора. В 1895 году, т.-е. через 31 год, валовой сбор тех же хлебов составлял 972.761 тонну, из них доля хлебов крестьянских хозяйств равнялась 523.014 тоннам, или 59,8 проц.

Площадь посевов за этот период возросла по губернии на 0,5 проц., а население деревни—на 25,6 проц. Таким образом, чистый сбор зерновых хлебов на наличную душу крестьянского населения понижался с 0,62 тонны 1864 года до 0,42 тонны в 1895 г., который был одним из урожайных за за последние 30 лет XIX века.

Насколько скудны были хлебные запасы деревни в начале XX века, можно видеть из следующей таблицы чистых сборов на душу населения по трем главнейшим хлебам за 1895 год отдельно по уездам.

УЕЗДЫ	Количество наличного населения в тыс.	Чистый сбор 3-х главнейших хлебов на душу населен.			
		В к и л о г р а м м а х			
		Ржи	Картофеля	Ржи и кар- тофел. вместе в перев. на розь	Овса
Ефремовский . . .	162,0	286	262	352	158
Новосильский . . .	140,3	237	250	299	147
Богородицкий . . .	150,6	200	320	280	117
Епифанский . . .	110,5	197	282	267	110
Чернский . . .	104,1	186	218	232	141
Красивенский . . .	96,8	174	352	262	125
Вешевский . . .	99,1	117	102	142	99
Одоевский . . .	86,7	173	218	227	88
Каширский . . .	62,5	160	115	189	57
Белевский . . .	68,7	131	243	192	46
Алексинский . . .	69,5	128	192	176	85
Тульский . . .	96,3	102	218	159	112
ВСЕГО. . .	1,247,9	192	243	243	115

Чистый сбор озимых хлебов, как видно из таблицы, в среднем по губернии составляет 182 клг. на душу. И только для поддержания голодного населения принята была в 1891 году норма в 203 клг. на душу. Минимальная же физиологическая потребность работающего в сельском хозяйстве среднего по возрасту человека при обычных условиях его питания равняется по весьма умеренному исчислению земской статистики 275 кл ржаной муки. До этой нормы достаёт во всех уездах, кроме Ефремовского, где чистый сбор ржи составляет 286 кл на душу.

За недостатком озимого зерна крестьянину приходилось суррогатить хлеб разного рода примесями, в первую очередь—картофелем. Но сборы последнего были настолько незначительны, что в переводе на рожь они давали небольшое повышение. Вместе—и озимые хлеба и картофель, переведенные на рожь, составляли 243 кг на душу, т.-е. норму недостаточную.

Не говоря уже о нечерноземных уездах, где не имелось никаких хлебных излишков, и из семи черноземных они замечались только по Ефремовскому в размере 77 кг на душу. В остальных пяти уездах мы наблюдаем голодную норму для прокормления и в Веневском—недостачу в 133, кг на душу

Сбор овса, который единственно мог служить у тульского крестьянина товарным излишком, также был недостаточен. Его и в черноземных уездах не доставало на подать и разного рода платежи. Это со всей рельефностью показывает следующая таблица душевого дохода крестьянского хозяйства, вычисленная нами на основании трех хлебов из расчета, стоимости ржи—3 коп. и овса—2 коп. за килограмм:

У Е З Д Ы	Излишки или недоста- точа		Излишки или недо- стача озим. хл. вме- сте с картофел. на 1 душу		Чистый сбор овса		Общий баланс в руб.
	Килогр.	Руб.	Килогр.	Руб.	Килогр.	Руб.	
Ефремовский . .	+ 11	+0,35	+ 78	+2,44	162	3,46	+5,90
Новосильский . .	— 56	—1,70	+ 24	+0,75	151	3,22	+3,97
Богородицкий . .	— 77	—2,35	+ 8	+0,25	120	2,54	+2,79
Епифанский . .	— 80	—2,45	— 8	—0,25	113	2,41	+1,60
Чернский . . .	—100	—3,05	— 44	—1,35	144	3,08	+1,73
Красивенский . .	—103	—3,15	— 13	—0,40	128	2,93	+2,53
Веневский . . .	—162	—4,99	—136	—4,15	101	2,17	—1,98
Одоевский . . .	—105	—3,20	— 49	—1,50	90	1,92	+0,42
Каширский . . .	—118	—3,60	— 88	—2,70	78	1,68	—1,02
Белевский . . .	—147	—4,50	— 85	—2,60	47	0,91	—1,69
Алексинский . .	—151	—4,60	—102	—3,10	87	1,85	—1,25
Тульский . . .	—177	—5,40	—121	—3,70	115	2,45	—1,35
Средн. по губ.	— 95	—2,90	— 33	—1,00	118	29,52	+1,52

Приведенные цифры не требуют комментариев. Они сами говорят за себя. В то время как доходность крестьянского хозяйства от земледелия составляла по губернии 1 р. 25 к. на душу, прямые налоги равнялись 3 руб. 15 коп. с гектара, или 2 руб. 33 коп. с души. Следовательно, только прямые налоги с крестьянского населения превышали в 2,3 раза доходность сельского хозяйства деревни. Сумма последних возросла с 60-ых гг. в 6 раз и достигала к началу XX века 6 538 тыс. рублей. Доходность от земледелия к тому времени составляла, примерно, 2.907 тыс. рублей, или 44,3 проц. суммы прямых налогов.

Доходы крестьянских хозяйств не покрывали податей и сборов.

Стало-быть, крестьянство Тульской губернии не только не имело условий для накопления денежных средств на покупку машин, скота и проч. орудий труда, но его товарные излишки не покрывали и половины налогов казне. В уплату податей крестьянин продавал последний продовольственный хлеб, а зачастую и скот, покупая затем хлеб на рынке для пропитания семьи по

удвоенным ценам. И туг он попадал в цепкие руки ростовщика-прасола, который на костях голодной деревни вырастал в мощную фигуру капиталистического эксплуататора.

Этими шмырями, как говорит известный исследователь хлебной торговли Европейской России Чаславский, скупался по осени за бесценок весь крестьянский хлеб. По подсчетам епифанского земства, из проданного крестьянами в 1899 г. овса в количестве 16 тыс. тонн 81,4 проц. поступило на рынок осенью, когда цены на овес равнялись 2 р. 82 коп., т.-е. ниже средних годовых на 60 коп., а весенних—на 90 коп. за центнер. Таким образом, епифанский крестьянин потерял на осенней продаже овса, исходя из средней годовой цены последнего, 79,5 тыс. рублей, или около 20 проц. той суммы, которую он мог бы получить при нормальных условиях реализации.

Какие же группы хозяйств теряли на осенней продаже эти тысячи рублей? Ниже-приведенные цифры отвечают нам на это следующим образом:

ПОСЕВНЫЕ ГРУППЫ	Процент хозяйств, прод. осенью	На 100 душ населения уходят на заработки
Засажающие до 1 га	80,7	23,4
От 1 до 2 га	82,4	20,9
» 2 » 5 »	84,6	14,1
» 5 » 11 »	87,8	10,1
» 11 » 16 »	82,2	8,0
» 16 » 27 »	59,5	5,9
» 27 » 55 »	38,5	2,3
Свыше 55 »	0,0	0,0

Хозяйства, как показывают цифры, с малым наделом и отхожими промыслами вынуждены были продавать свой последний хлеб осенью. Этот факт, вскрывая всю глубину кризисного состояния деревни, показывает, что крестьянство в большинстве своем не только было не в силах нести тяжесть помещичьего государства с земледелия, но и при условиях заработков на стороне. Об этом еще с большей убедительностью говорят цифры о недоимках крестьян по окладным сборам и выкупным платежам:

Процентное отношение недоимок к окладу						
1870—75 г.	1876—80 г.	1881—85 г.	1886—90 г.	1891—95 г.	1896—900 г.	1905 г.
3 проц.	5 проц.	11 проц.	35 проц.	124 проц.	151 проц.	175 проц.

Общая сумма недоимок в 1905 году составляла 3.573 тыс. рублей. Но крестьянство обременялось не только прямыми платежами. Косвенные налоги ложились также целиком на его плечи. Пошлиной и акцизом облагались в России исключительно предметы первой необходимости.

Достаточно сказать, что в 1895—99 г. г. русское листовое железо стоило в Петербурге от 20 к. до 21 к., а заграничное—до 16 коп., тогда как в Лондоне—7 коп. за кг. В Туле листовое железо вторых сортов отпускалось с земских складов по цене—17—18 коп. за кг.

Русский хлопок в Москве стоил в 1901 году 74 коп. килограмм. американский 44 коп. Хлопчатобумажная основа № 16 в Петербурге продавалась по

90 коп. за кг, а в Мюльгаузене—56 коп. Каменный уголь в Харькове стоил 1 коп. кг а в Эссене он продавался 0,5 коп. Чугун в Одессе продавался по 5 коп., а в Лондоне по 2 коп. за килограмм.

Стоимость произведенного килограмма сахарного песку в России равнялась 12 коп. Для экспорта его отпускали в Киев по 8 коп., а в Одессе по 10 коп. за килограмм между, тем, как для внутреннего потребления он продавался в Киеве по 28 коп., а в Одессе—по 30 коп. за килограмм, т.-е. дороже чуть ли не в 4 раза.

Выхоложенная податями и поборами, забитая бесправием и нуждой, деревня разорялась, нищала и вырождалась. Земледелие для огромной массы крестьянства обращалось из средства применения своего труда в условие эксплуатации его полицейским правительством помещиков.

Отхожие промыслы не могли дать выхода в крепостнической стране.

Крестьянин все чаще вынужден был бросать сельское хозяйство и обращаться к посторонним заработкам как в пределах губернии, так и вне ее. Фабрики и заводы Тульской губернии, по официальным сведениям, давали в 1906 году заработок 26.715 лицам. Отход был чрезвычайно развит. Из северных уездов (Каширский и Алексинский) и отчасти из западных (Белевский) население уходило преимущественно в Серпухов на летние с/х работы и на постоянные работы в текстильную промышленность. Из южных (Епифанский) население уходило на торфяные разработки в губернии Центрально-Промышленного района, в Петербург, Донецкий бассейн (Новосильский) и Новороссию (Богородицкий и Чернский).

В 1900 году были выданы паспорта 224.801 крестьянину, что составляет 15,6 проц. всего наличного населения. В общем 37 проц. взрослых мужчин не находили приложения своего труда в собственном хозяйстве и вынуждены были искать заработков на стороне. В некоторых уездах этот отход развит был в громадных размерах.

В Каширском уезде, по данным 1897 года, 31 проц. всего населения проживал вне уезда. Кроме того, 37 проц. взрослого населения обоего пола занималось отхожими промыслами. В Епифанском уезде в 1899 году 15 проц. всех семей отсутствовало на местах приписки. Все эти «неживущие семьи» более или менее не имели уже связи с деревней. Из наличного населения уезда уходило так же на сторону до 30 проц. мужчин в рабочем возрасте.

За 20 последних лет движение отхожего населения по губернии выражается в следующих цифрах:

Г О Д Ы	Население, уходящее на заработки, в абсолютных цифрах			В относительных цифрах		
	Мужчин	Женщин	Обоего пола	Мужчин	Женщин	Обоего пола
1886 г.	103735 16,4%	39571 6,3%	143666 11,3%	100,0%	100,0%	100,0%
1896 г.	140733 19,0%	60482 7,9%	201225 13,5%	135,6%	152,8%	141,5%
1905 г.	168753 21,0%	78387 11,0%	247140 16,0%	162,4%	199,6%	172,0%

Таблица показывает прежде всего общий рост отхожего населения и более усиленный его темп среди женщин. При общем увеличении числа уходящих на

заработки на 72 проц. отход мужчин возрос на 62,4 проц., тогда как женщины на 99,6 проц. Такое прогрессирующее увеличение отходящего на заработки населения свидетельствует о неуклонном разорении деревни и о все большем оседании деревенской бедноты в городах. Этим именно и объясняется обгоняющий темп отходящих на сторону женщин.

Но отхожие промыслы в стране, где 88 проц. населения представляла деревня, где в земледелии господствовали полукрепостнические отношения, не давали выхода крестьянину из его тяжелого положения. С одной стороны крестьянин, прикрепленный к земле, не имел действительного права свободного передвижения, а, с другой—ни городская промышленность, ни, тем более, капиталистическая часть сельского хозяйства не могли поглотить того огромного числа свободных рук, которые выбрасывала деревня. Крестьянин, лишаясь все

Крестьянин с. Люторичи Кубиков Р. М.
(75 лет)—участник аграрного движе-
ния в 1905 году.

Крестьянин с. Люторичи Комаров В. Г.,
участник люторчанских аграрных бес-
порядков в 1905 г.

больше и больше возможностей приложения труда в собственном хозяйстве, не находил должных условий для его применения и на стороне.

«Толпы крестьян,—читаем мы в докладе с./х. комиссии очередной сессии 1902 года,—не имея никаких сведений о потребности количества в рабочей силе, ни об урожаях, ежегодно кочуют из центра на восток и юг с предложением своего труда, и хорошо, если хоть часть этих лиц найдет себе заработок и пропитание. Значительной же части приходится скитаться с места на место, не принося никакой пользы ни семье своей, ни наделу».

Превышение предложения труда над его спросом держало цены на рабочие руки на крайне низком уровне. Плата годового рабочего в Тульской губернии в 1905 году колебалась от 56 до 93 рублей и работницы—от 32 до 69 рублей в год. В лето мужчине платили от 27 до 54 рублей и работнице—от 25 до 30 руб. За поденную работу мужчина получал от 49 до 83 копеек, а женщина от 20 до 47 копеек в день на своих харчах.

Бегство разоряющейся деревни на окраины.

Не находя заработка, обезземеленное крестьянство начинало искать выхода в переселении. Крестьяне бросали свои деревни и шли искать новой жизни за Уралом. Но, доведенные до отчаянного обнищания, они в дороге продавали свои

последние пожитки и, приезжая на новые места, встречались еще с большей нуждой и лишениями.

Правительственная помощь переселенцам отсутствовала. Мало того, переселение, в интересах помещика, всячески задерживалось. Издан был ряд положений и законов о регулировании переселения, которые по существу запрещали последнее. Вследствие этого, в Тульской губернии, как и во всей России, переселенческое движение не могло захватить большого числа населения. За 16 лет (1885—1900 г. г.) из ее пределов выселилось в разные губернии Востока около 23 тыс., или до 93 человек на тысячу естественного прироста.

За последние три года переселенческое движение спадает на-нет. В этой области земские начальники притесняли всякое передвижение крестьянина, нарушавшее хозяйственные интересы помещика. В 1898 году было выдано проходных свидетельств и свидетельств ходокам 747, в 1899 году—554, а в 1900 г.—только 100. Но и из этого небольшого числа переселенцев значительный процент возвращался обратно на свои места, потеряв имущество, скот, нередко и земельные наделы. «Крестьяне Белоозерок попытались было избавиться от систематических голодовок путем переселения в восточные губернии,—пишет Борогодицкая земская управа,—но новые места, видно, их приняли еще холоднее, и они вынуждены были вернуться на «родину». Это совсем подорвало тощее хозяйство крестьян».

Так, прикованный цепями крепостничества к земле, «крестьянин был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой; крестьянин бежал от своего надела, когда только было, куда бежать, от надела, платя тому, кто соглашался взять надел, платежи с которого превышали его доходность. Крестьяне голодали хронически откупаясь и десятками тысяч умирали от голода и эпидемий во время неурожая, которые возвращались все чаще и чаще» (Ленин, т. IX, стр. 265).

Земские врачи по Тульской губернии настойчиво указывают в своих отчетах на грязь в крестьянском обиходе, с которой так трудно бороться при лечении. Чесотка и другие кожные болезни распространялись в ужасающих размерах. Сифилис был обнаружен в Епифанском уезде у 2,2 проц. населения, но надо думать,—пишет земство,—что в действительности страдает этой болезнью большее число лиц. Скученность жилья, отсутствие бани и мыла, скудная пища все это способствовало развитию заразы и эпидемий. Смертность населения в Тульской губернии среди деревни превышала среднюю 47-ми губерний Европейской России (40 чел.) и составляла 42 человека на тысячу. В годы неурожая, которые в последние десятилетия XIX столетия стали хроническим явлением, смертность доходила по отдельным уездам до 60 человек на тысячу, как это было в 1891 году в Ефремовском и Епифанском уездах, тогда как в Англии, например, смертность населения в городах равнялась 26-ти человекам и в селениях 17-ти, а в Норвегии, Швеции и Дании—всего лишь 13—14 человекам на тысячу жителей.

На ряду с высокой смертностью, рос неимоверно процент физически неразвитого населения. По данным статистики рекрутских наборов, было забраковано в 1874—1883 г. г.—4,8 проц., в 1884—1893 г. г.—6,6 проц., в 1894—1901 г. г.—11,1 проц. всего числа новобранцев. По количеству бракуемых новобранцев Тульская губерния стояла впереди всех губерний черноземной полосы. Деревня становилась действительно синонимом бедности и нищеты. «Громадная масса неуклонно разорялась и превращалась в пролетариев, меньшинство выделяло кучки немногочисленных, но цепких кулаков и хозяйственных мужиков, прибивавших к рукам крестьянское хозяйство и крестьянские земли, составлявших кадры нарождающейся сельской буржуазии. Все пореформенное сорокалетие есть один сплошной процесс этого раскрестьянивания, процесс медленного, мучительного вымирания» (Ленин, т. IX, стр. 264).

Кризис и развитие революции в деревне.

Кризис и мероприятия правительства.

Кризис сельского хозяйства в последние два десятилетия XIX века охватил всю Европейскую Россию. Он становился настолько грозным, что его не могло обойти молчанием и царское правительство. Все чаще повторялись неурожай. Росло общее обнищание страны. Скудел внутренний рынок сырья и потребления, Росло массовое недовольство народа. Все это начинало продирать даже бюрократическую слепоту царских министерств.

В конце 80-х и начале 90-х г.г. правительство организует ряд комиссий и комитетов по выявлению и изучению прогрессирующего понижения благосостояния крестьян. В 1881 году исследуется вопрос о недоимках по выкупным платежам, достигших к тому времени 32 млн. руб. К проведению работы привлекаются земские организации. В результате выкупные платежи с крестьян понижаются на один рубль (в Тульск. губ. с 6 руб. 50 коп. до 5 руб. 50 коп.) с каждого душевого надела. Вместе с тем производится обязательный выкуп наделов. С 1-го января 1883 года прекращаются обремененные отношения крестьян к помещикам.

В 1889 году, после 4-х голодовок, потребовавших десятки миллионов рублей на продовольственное поддержание голодающего населения и причинивших сельскому хозяйству на сотни миллионов рублей убытков, правительство вынуждено было признать

Деревня в настоящее время. Колхозники. (С. Люторичи, Епифанского района).

страшный экономический упадок центрально-черноземной полосы Европейской России. И оно вновь предпринимает изучение причин этого явления, где устанавливает факт так называемого оскудения центра. Больше того, многие из правящих лиц признают, что причины этого оскудения не лежат в явлениях временного порядка—неурожаях и проч., а что они коренятся в самих глубинах хозяйственного строя. Министр финансов Витте во всеподданнейшем докладе по поводу росписи 1899 года, признавая значение общих экономических условий и низкого уровня народного образования в деле развития крестьянского хозяйства, видит причину, еще «более могучую, коренящуюся в самой организации хозяйственного быта, в глубинах народной экономики». Эту причину он находит «в неопределенности имущественных и общих отношений крестьян, порождаемых многообразными затруднениями в самом распорядке личного хозяйства». В частности, он ее видит «в неясности прав на приобретенное крестьянским двором имущество, обязанностей по отношению к домохозяину, ослабляющих производительность и энергию труда».

Правда, как уясняют приведенные слова, несоответствие между производительными силами и производственными отношениями в сельском хозяйстве министр понимает по-своему. Он его видит исключительно в вопросах права. Но тем не менее факт и такого признания является небезынтересным. Он

прежде всего показывает нам, как с проникновением капиталистических элементов в деревню среди господствующего класса землевладельцев-дворян сквозь крепостническую рутину на монархическую сцену управления пробивалась новая группа людей с буржуазной идеологией, хотя и своеобразной.

Установив факт оскудения и его причину, правительство, однако, дальше не пошло. Никаких мероприятий к укреплению и возбуждению энергии ослабевающего хозяйственного организма предпринято не было. Крестьянство по-старому обременялось налогами без всякого соображения с его хозяйственным благосостоянием и грязло в хаосе чиновничьего бесправия и помещичьей кабалы.

Перевес оставался за консервативными слоями помещиков-крепостников. Они выступали противниками капиталистического развития в сельском хозяйстве не только по американскому пути, но и по пути прусскому. Крестьянская пореформенная политика не изменяется по существу своего содержания с политикой периода крепостничества. Она остается «незыблемым» основанием не только по своей основной задаче — охрана власти дворянства в стране, — но и по своему содержанию — охрана от «разложения» семьи и общины.

В общине, в противоположность русскому народничеству, которое находило в ней готовую почву для будущего социалистического строя, почву, исключаящую необходимость для России переживать капиталистическую фазу, царизм видит «оплот» против пролетариата, социализма и революции. В 1875 году под воздействием схватившего европейские страны сельско-хозяйственного кризиса многие земства видят в реформе 19-го февраля несоразмерные свободы. Они ходатайствуют перед правительством об изменении статьи 165 положения, допускавшей «свободный» выход из общины. На ряду с этим ставится вопрос о запрещении продажи наделов и ограничении прав «мира» в распоряжении земель.

Контрреформы Александра III, как признак надвигающейся бури революции.

С 1881 года начинается эпоха так называемых контрреформ Александра III. Тульское земство в проведении их сыграло выдающуюся историческую роль. В 1883 г. богородицкое уездное земство указывает правительству на необходимость установления 12-тилетнего срока между переделами надельной земли. В 1884 году губернское земство вслед за петербургским и курским (1891 г.) обращается в министерство внутренних дел с ходатайством об ограничении права семейных разделов.

Министр внутренних дел не задерживал ответов на запросы земцев. Он отвечал, что ходатайство тульского губернского земства имеет общее значение для всех губерний с общинным землевладением и что вопрос об ограничении семейных разделов внесен уже в государственный совет. Государственному совету министр в свою очередь писал: «Рабочая семья, которая представляет тесно сплоченный союз родственников, подчиняющихся главе — старшему члену и трудящихся в общую пользу, являлась бы идеалом как в нравственном, так и в экономическом отношении, возможное приближение к которому было бы весьма желательным в интересах государства».

В 1886 году издается закон, запрещающий семейные разделы. По вопросу об отчуждении крестьянских земель учреждается в 1888 году под председательством товарища министра внутренних дел Плеве особая комиссия. На первом своем заседании комиссия признает, что «начало неотчуждаемости наделов должно быть принято за руководящее основание для законного определения по отношению к крестьянскому землевладению». Большинство этой комиссии высказывается за отмену первой части статьи 165 положения.

В 1890 году новый министр внутренних дел Дурново, преемник Толстого, вносит в комитет министров новое «представление» о мерах к предупреждению неотчуждаемости наделов. В этой записке Дурново доказывает, что крестьянство само не согласно с тем положением, которое ему предоставляет свободу распоряжения наделной землей.

В 1893 году правительство выступает сразу с двумя законами. Первый закон, 8-го июня, запрещал переделы наделных земель. Второй закон, 14-го декабря, указывал о досрочном выкупе и о неотчуждаемости крестьянских наделов. Этим законом отменялась вторая часть статьи 165-й. Крестьяне по этому закону потеряли право продавать и закладывать наделные земли лицам, не принадлежащим к сельскому обществу. Проведение и охрана законов 8-го июня и 14-го декабря были возложены на земских начальников. Им вручалось право отменять всякие решения крестьянских сходов по земельным делам.

Так постепенно, но с определенной последовательностью правительство дворян возвращало пореформенную деревню в лоно крепостничества. Оно всеми

Детские ясли (с. Люторичи, Елифанского района).

силами, наперекор истории, стремится сохранить старые общественные отношения между деревней и помещьем. Царизм хорошо понимал, что «без той или иной формы прикрепления населения к месту жительства, к «общине», без известной гражданской неполноправности отработки, как система, были бы невозможны» (Ленин, т. III, стр. 153).

Но как ни велики были стремления царизма сохранить прежние порядки, почва, на которой они держались в деревне, с невероятной силой ускользала из-под ног господствующего класса землевладельцев-дворян. Ход развития истории, как и всегда, оказался сильнее классового сознания к самосохранению.

К началу XX века, с развитием капитализма в сельском хозяйстве, феодальные пути становились все более нетерпимыми. Расслоение деревни на два основных полюса—бедноту и кулачество—требовало с обеих сторон окончательного их разрушения. Экономический кризис перерастал в политический. Неурожай 1901 года сопровождается массовыми волнениями крестьян на юге. Крестьянские волнения ставят снова перед царскими чиновниками вопрос

об изучении причин хозяйственного расстройства и недовольства крестьянских масс.

В 1902 году, весной на местах организуются с целью изучения сельскохозяйственной промышленности губернские и уездные комитеты. При министерстве внутренних дел создается общее совещание для выработки полного законодательства по крестьянскому вопросу.

Деятельность местных комитетов в Тульской губернии.

В Тульской губернии местные комитеты по нуждам сельскохозяйственной промышленности открыли свою деятельность в мае 1902 года. Они собрали ценнейший материал о состоянии сельского хозяйства в губернии. Отдельные члены комитетов доставили в губернский комитет доклады и записки с изложением «особых» взглядов, мнений и пр.

Как тульское дворянство и земские деятели смотрели на развитие сельского хозяйства, его причины застоя, мы и разберем ниже. Заранее оговоримся, что различия в воззрениях на этот счет между помещиками и земцами по существу не было. Тульское земство представляло одно из реакционнейших земств вслед за курским. Третий элемент в нем был малочисленным. Он проявлял себя до чрезвычайности слабо. Это не могло не отразиться на работе местных комитетов. В них заседали почти что исключительно крупные землевладельцы-дворяне. Достаточно сказать, что к работе местных комитетов в Тульской губернии совершенно не было привлечено крестьянство.

Обсуждая программу особого совещания, тульские помещики и земцы в основном все без исключения признали, что главной причиной упадка крестьянства является «неприготовленность самих крестьян к свободной жизни, к самоуправлению и самообладанию». Отсюда основным мероприятием по поднятию благосостояния деревни ими выдвигалось народное образование. Дело не в малоземелии,—говорили в комитетах.—Земли с избытком у нашего крестьянина. Суть вопроса в культурной отсталости его.

С обширным докладом по вопросу народного образования выступил богородицкий комитет.—«Первая нужда сельскохозяйственной промышленности есть народное просвещение и не в смысле только общедоступной низшей школы, но и в смысле воспитательного влияния всей совокупности жизненных условий»,—говорил автор доклада М. Д. Ершов («Труды местных комитетов», страница 104).

Обходя вопрос крестьянского малоземелья, которое гнало крестьянина к помещику в кабалу и держало его на уровне нищеты и невежества, автор продолжает: «Под влиянием изменившихся экономических и технических условий хозяйства, старые умения исчезают, новые же, вследствие низкого культурного уровня населения, не создаются. В виду общей некультурности движение

Будущий колхозник (с. Люторичи, Епифанского района).

вперед обставлено такими неблагоприятными условиями.. Что нововведения и улучшения, выгода которых становится несомненной, в конце концов, приносят убытки и ведут к разорению».

«Какая польза иметь машину,—спрашивает автор доклада,—если некому на ней работать, некому починить ее в случае поломки? Без повышения культурного уровня населения нелегко никакое условие технического хозяйства. Всякие другие мероприятия будут разбиваться о ту же скалу невежества, косности, неумения и неряшества» («Труды местных комитетов», стр. 102).

О том, что техническое развитие сельского хозяйства задерживается отработками, высокой арендой, рабски дешевой ценой на рабочие руки, что образование для народа невозможно в условиях крепостничества,—автор доклада, а вместе с ним и остальные члены уездного комитета не обмолвились ни одним словом. Это было не в интересах дворянства.

Так же «либерально» выступили члены губернской земской управы А. Пелонидас, Н. Караулов и граф Е. Татищев. Они в своей записке о нуждах сельскохозяйственной промышленности исходят тоже из главной причины,—это неприготовленность крестьянства к свободной жизни. Из этого авторы записки делают вывод, что «правильное устройство крестьянского сословия на твердых основах закона является насущнейшей нуждой всей сельскохозяйственной промышленности России».

«Поднятие уровня крестьянского благосостояния,—пишут они,—необходимо для правильной постановки и помещичьего хозяйства. Ибо последнее может процветать лишь при развитии внутреннего рынка, на котором крестьяне являются главными потребителями. Но еще более зависит помещичье хозяйство от правильного воззрения народа, от развития в нем чувства законности. Живя в деревне, нельзя оградить себя от многообразных сношений, а часто и столкновений с крестьянами, и если последние не воспитаны в уважении к закону, то не только хозяйственная деятельность, но самая жизнь в деревне станет невозможной» («Труды местных комитетов», стр. 58).

Если богородицкое дворянство, руководимое Бобринским, видело все зло в некультурности деревни, то просвещенные земцы, во главе с Татищевым, усматривают его в законах. Вся суть отсталости в том, что законы, действующие в деревне, не усовершенствованы. Усовершенствуйте законы, и будет все спокойно.

«Особый закон, в котором до сих пор удерживаются телесные наказания, шаткость и неопределенность имущественных прав, безответственность в обязательных отношениях, множество начальств своих и назначенных, которые далеко не всегда опекают крестьянина, в предъявляемых указах законом—все это создает отсталость, действовавшую на правильное созерцание народа совершенно деморализующим образом, принижая в нем чувства личности, инициативы и самостоятельности... И до тех,—заканчивают авторы записки,—пока не будет поднята личность крестьянина, всякие заботы об улучшении материального благосостояния и развития сельскохозяйственной промышленности останутся слабо действующими паллиативами» («Труды местных комитетов», стр. 61).

Не экономическое раскрепощение крестьянства, а правовое его самопознание—вот, что, по мнению авторов, является гвоздем вопроса.

В более полной и завершенной форме помещичьего философствования выступил по вопросам права и народного образования князь М. Долгоруков. «Каждый крестьянин,—говорит он,—должен иметь право избирать свое местожительство, свой труд, ему сродный... должен иметь доступ во все учебные заведения, судиться и караться одним судом со всеми жителями империи, и тогда можно надеяться на преуспевание его хозяйства, на рост его благосостояния. Рядом с этим необходимо всячески,—продолжает он,—поощрять и способствовать приобретению крестьянами с помощью крестьянского банка

личной земельной собственности... Личная земельная собственность — одна совместно с просвещением и школой могут поднять уровень производительности и материального благосостояния крестьян, так же, как вера одна может поднять его духовное бытие» (там же, стр. 115).

Крупнейший земельный магнат, потомственный старый дворянин, как видно, уяснял себе историческую неизбежность хода общественного развития. Он отлично понимает, что при современном положении не удержать дворянству земли, а с ней и политического господства класса. И он со всей последовательностью логики помещичьего мышления настойчиво предлагает удерживать это господство путем создания в деревне новой опоры в лице крепкого хозяйственного мужика.

О создании в деревне мелкого земельного собственника заботился не только

Делегатка Бочкова П. А., с. Люторичи (Епифанского района).

князь Долгоруков. Ему вторили поголовно все помещики Тульской губернии. «Появление промежуточного владения желательно в том смысле, что делает невозможным мечтания об отобрании земли крестьянами. Расселение крестьян на отдельные участки и аренда есть главнейшее мероприятие в деле подъема благосостояния сельского населения», — говорил вслед за князем вице-губернатор М. Яшвилль.

Расслоение деревни, как видим, помещики намечали использовать в двух направлениях. Во-первых, они делают упор на создание кадра крепких мелких землевладельцев, как верных арендаторов и покупателей барской земли. Во-вторых, про-

летаризирующую часть деревни они намечают организовать, как дешевую рабочую силу для работы в имениях. Эта программа крепостников и была положена в основу столыпинской земельной реформы.

Следующим вопросом, который подвергся горячим обсуждениям в комитетах, был вопрос об общине. По вопросу общины выступил с уничтожающей критикой общинных порядков чернский помещик Коптев.

Начал он с того, что после 19-го февраля, когда будто бы была отобрана власть у помещика и уничтожена власть семьи, а государственная власть не была устроена, — деревня сделалась царством произвола и безначалия.

Следовательно, главный порок в деревне Коптев видит в своеволии, непочтении к старшим, неуважении к чужой собственности, в небрежном и расточительном отношении к своему имуществу, неумении заботиться о себе, в отсутствии самостоятельности.

Причиной всему этому, по мнению помещика Коптева, является община. «Община за 42-хлетие прошлого времени не сумела воспитать в народе ни энергии, ни бережливости этих качеств. Законом 1861 года думали,—продолжает он,—что община устранил пролетариат и избавит Россию от язвы, которая разлагает западно-европейские страны. Но эта цель не достигнута... По моей волости в 1882 году было у крестьян 1016 лошадей. В 1896 году их осталось всего 619, при чем из 418 дворов безлошадных было 81 или 20 проц. Что в сущности представляют из себя эти 20 проц. безлошадников, как не сельскохозяйственный пролетариат? Но всего прискорбнее то, что этот процент продолжает непрерывно возрастать» («Труды местн. комитетов», стр. 74).

Этот помещик более открыто занимал позицию крепостников и в вопросе народного образования. «Грамота,—говорит Коптев,—бесспорно повышает степень умственного развития, но непосредственно приложения к крестьянскому обиходу она не имеет. Сплошь и рядом приходится встречать грамотного бедняка и безграмотного зажиточного крестьянина. Грамотный покидает деревню и, ища удачи в городе, конечно, имеет больше шансов выйти в люди. При удаче такой человек потерян для деревни. При неудаче он, возвращаясь с городскими привычками, приносит недовольство окружающей средой и презрение к земледельческому труду. Для деревни громадное значение имели бы ремесленные школы, где рядом с ремеслом преподавалась бы и грамота» (там же, стр. 75).

Подобные мысли были высказаны на этот счет еще в 1867 году председателем земской губернской управы князем Е. Львовым. Деля на первой сессии земского съезда доклад о народном образовании, он говорил: «Народу нужна не грамота, а образование, потому что не грамота, а образование смягчает нравы, дает здравое понимание об истинах веры, об обязанностях человеческих, об окружающем человека мире... От школ, где учат только грамоте, не знаясь ни о чем другом, нельзя ожидать добра» («Систематический свод постановлений Тульской губернской земской управы», выпуск первый, за 1866—99 гг., стр. 216).

На ряду с признанием капиталистического развития деревни, вся деятельность местных комитетов была проникнута одной мыслью—сохранить во что бы то ни стало господство помещика в деревне, помещичью власть в стране. Путь к этому они видели, в противоположность своим предшественникам, в создании «промежуточного» землевладения, в воспитании у крестьянина чувства уважения к частной собственности, в развитии в нем ловкости и умения работать по-новому.

Словом, вся работа местных комитетов сводилась к двум основным положениям: это—к созданию надежного арендатора и покупателя помещичьей земли и к организации дешевой квалифицированной рабочей силы. Рабочий вопрос, между прочим, вызвал самое активное участие всех землевладельцев губернии при обсуждении его в комитетах. Все уездные комитеты находили, что существующий порядок найма рабочих не ограждает права земельной собственности и порождает среди рабочих безнравственность и прочие худые качества. Остановимся на обобщающем эти мнения документе—записке помещика из Богородицкого уезда Макарова Н. М.

«Бегство землевладельцев от земли увеличивает собственный недостаток местных образованных людей, которые только одни и могут руководить деревенской жизнью»,—пишет этот помещик. Не надеясь на пришлую интеллигенцию, он предлагает установить «для пахарей» более строгий контроль в разрешении паспортов, выдавая их только для знающих ремесла или какое-нибудь мастерство. Мысль эту Макаров доказывает тем, что город портит людей. «Какой у нас в настоящее время контингент рабочих? Возвратившиеся из Москвы—нравственно отравленные люди, не нашедшие себе дела. Дисциплине они не поддаются никакой и при первом замечании оставляют хозяйство в самое

горячее время. Закон наш о найме рабочих им не страшен, ибо они хорошо понимают, что отсидеть под арестом им ничего не стоит... Взять вперед деньги и не исполнить принятой на себя работы — считается теперь явлением обыкновенным» («Труды местн. комитетов», стр. 96).

Для поддержания власти хозяина этот помещик предлагает «назначать ленивых» в дисциплинарные батальоны, а рабочих, оставивших беспричинно своих хозяев в горячее рабочее время, по приговорам суда подвергать отбыванию общественных работ и, сверх того, отбыванию определенного судом числа дней по установленной стоимости рабочего времени для возмещения ущерба хозяину.

Большой интерес в работе местных комитетов представляет вопрос тарифной и пошлинной политики правительства. Эти вопросы были как бы завершающим итогом всей работы местных комитетов в губернии. Все помещики и земцы высказались за понижение пошлин на сельскохозяйственные машины и орудия, ввозимые из-за границы и за снижение акцизов и цен на промышленные товары, вырабатываемые на отечественных фабриках и заводах.

«Повышение цен на хлеб не в нашей воле, — говорит член венежской земской управы Данилов, — ибо хлебные цены на европейском рынке стоят в зависимости от конкуренции соперничающих с нами стран: САСШ и Аргентины... Но понижение цен на изделия промышленности, — продолжает он, — на предметы нашего ежедневного потребления зависит от нас, ибо дороговизна этих изделий и предметов поддерживается искусственно чрезвычайно высокими покровительственными акцизами и пошлинами» («Труды местных комитетов», стр. 131).

Помещики оставались до конца верными себе, своему классу. В отношении хлебной торговли они указывали на необходимое усовершенствование хранения и перевозки хлебных грузов на железных дорогах. Много было разговоров о понижении железнодорожных тарифов на внутренние хлебные отправления. Сибирский хлеб, попадая на московский рынок, — говорили в комитетах, — снижает цены и ставит в затруднение хозяев Тульской губернии, которые из 26 млн. пудов зерна поставляют 17 на внутренний рынок, а из них 9 млн. пудов в Москву.

Достаточно большое место было уделено в работах комитетов обсуждению вопроса о состоянии винокуренной промышленности, о ее дальнейших перспективах развития. Тульские помещики являлись первыми из всей России владельцами винокуренной промышленности. В записке на имя министра финансов и министра внутренних дел помещики обращали внимание правительства на привилегии остзейских промышленников перед промышленниками черноземного центра. Они просили министров о пересмотре норм поставок спирта в казну, указывая на необходимость увеличения таковых для черноземных губерний. В записке также указывалось на необходимость своевременной выдачи кредитов за предполагаемый к поставке в казну спирт.

Воспитание деревни в духе крепостнической подчиненности, развитие у деревенской массы ловкости и умения работать по-новому, создание в деревне крепкого мелкого земельного собственника, максимальное снижение цен и акцизов на промышленные товары внутреннего производства, свободный, беспошлинный ввоз сельскохозяйственных машин и орудий, создание условий дешевых перевозок и хранения хлебных грузов, ограждение внутреннего хлебного рынка от конкуренции хлебной Сибири, развитие кредитной системы и прочих привилегий — такова была программа тульских помещиков.

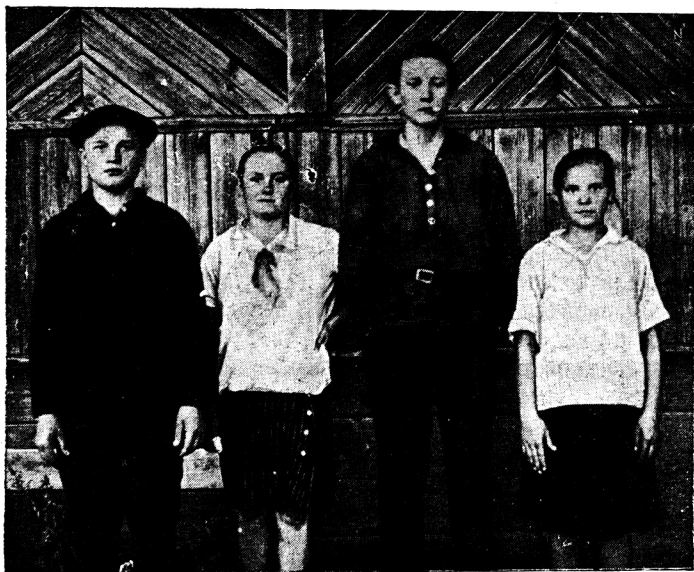
В самый канун революции, когда в стране недовольство рабочих и крестьянских масс вырастало в клочущую лавину, способную взорвать существующий строй, помещики и земцы, как и правительство в целом, видели

причины всех этих недовольств и хозяйственного застоя в культурной отсталости крестьян, в их неспособности к самоуправлению.

О том, что деревня раз'едается капиталистическими противоречиями, будучи скованной по рукам и ногам феодальными путами прошлого, что крестьянин прикреплен бесправием к земле и погибает от безземелья, сильные мираы сего не сказали ни одного слова. Владельцы половины всех земельных пространств губернии и не могли об этом говорить. И если они касались попутно в своих выступлениях данного вопроса, то только для того, чтобы доказать обратное, доказать, что суть дела не в малоземелии и не в формах землевладения.

«Малоземелье — общеизвестный факт, — выступая в губернском комитете, говорил управляющий тульской казенной палатой Халютин, — тем не менее искусственные меры в этом деле не приведут к ожидаемым результатам. Отсталость русского хозяйства зависит от некультурности вообще жизненного строя в России, а не от форм землевладения» («Труды местных комитетов», стр. 32).

Другого вывода нельзя было ожидать от «деятелей» местных комитетов. Ибо не в интересах помещиков было понять, что «страна, в которой происхо-

Молодой актив, с. Люторичи (Епифанского района).

дит рост обмена и развитие капитализма, не может не переживать кризисов всякого рода, если в главной отрасли народного хозяйства средневековые отношения являются на каждом шагу тормозом и помехой» (Ленин, т. IX, стр. 626).

Ход революции, ее требования и организующие силы.

По-другому понимали вопрос хозяйственного застоя крестьяне. Они причину тому видели как раз в малоземелии, в крепостнических формах земельного владения. И на их знамени борьбы было написано кровавыми буквами: «Земля и воля».

Под влиянием промышленного кризиса 900-ых г.г. и агитации местной социал-демократической организации, которая оформилась в 1902 году, недоволь-

ство крестьян к помещикам выливалось в открытую борьбу. Все больше распространялись в деревне слухи о предстоящем переделе земли. Потравы помещичьих угодий, рубка леса, побои господских служащих, невыполнение договоров о найме и аренде — все это стало далеко не редким явлением в губернии.

Раскидываемые местным комитетом социал-демократической рабочей партии сотни прокламаций и брошюр падали на благодарную почву, делая свое революционное дело. Крестьянские восстания на юге предвещали правительству грозную бурю. Тульский губернатор начинает серьезно беспокоиться за политическое состояние «своей» губернии. Он посылает ряд секретных писем и инструкций уездным исправникам и земским начальникам о принятии чрезвычайных мер на случай беспорядков.

Положение в стране ухудшалось. Промышленный кризис вызвал массовое сокращение рабочих. На тульских оружейных заводах из 12.000 рабочих было оставлено лишь 5.000 рабочих. На патронном заводе в 1897 году работало 3.600 человек, а в 1902 году — только 1.500. В чугуно-литейном производстве, вместо 1.000 человек, занятых в 1897 году, оставалось в 1901 году 130 человек.

Попытка правительства разрешить создавшееся положение в стране путем завоевания новых рынков в Китае окончилась полной неудачей. В 1904 году на Дальнем Востоке русский царизм потерпел еще большее поражение, чем 50 лет тому назад в 1854 году, под Севастополем.

В 1905 году Россию постиг страшный голод. Неурожай охватил 160 уездов в 25-ти губерниях. Тульская губерния тоже была подвержена этой голодной стихии. В ней крестьяне не собрали семян. Цены на хлеб уже с осени поднялись вдвое выше обычного. Помощь голодающим была не налажена. Население буквально голодало. Люди умирали тысячами от тифа, скарлатины и проч. эпидемий, развивавшихся вслед за голодом.

Вековая крестьянская ненависть к помещику, подогретая голодом, выливалась в настоящую крестьянскую войну против помещиков. Революция в городе поднимала эту войну крестьянского недовольства еще на большую высоту.

«Тревожные известия из Михайловского нашего имения, Богородицкого уезда, побуждают меня обратиться к вам с покорнейшей просьбой о принятии мер для охраны частной собственности. Расходы принимаю на свой счет», — писал 4-го марта граф Бобринский тульскому губернатору. «Предложено разместить полсотни казаков», — телеграфировал графу в Петербург губернатор Шлиппе.

14-го марта просил о помощи губернатора известный помещик, земец Стебут. «Сын, владелец полученного им в дар от матери хутора с селцом Кроткое, Ефремовского уезда, — писал он, — имеет мне сообщить, что крестьяне села Коломны, Богородицкого уезда, усиленно поговаривают об отобрании силой у сына прилегающей к их земле части Кротковского имения, хутор Рубленый». Либерал Стебут удивляется в письме, на каком это основании крестьяне считают эту землю несправедливо отнятой у них. Сила частной собственности, как видно, способна затемнять и память людей.

17-го марта губернатор, учитывая положение, посылает на места циркуляр земским начальникам и уездным исправникам. «В последнее время среди населения Тульской губернии, писал он, — замечается беспокойное настроение, которое может перейти в бесчинство. Обращая на такое опасное для общественного спокойствия настроение крестьянского населения, я считаю нужным обратить особое внимание господ земских начальников и исправников на циркуляр мой от 11-го июля 1898 года за № 97, коим предоставлялось земским начальникам и чинам полиции право подвергать аресту подстрекателей к беспорядку и вообще лиц, возбуждающих в крестьянской среде неосновательные толки и домогательства».

25-го числа марта месяца губернатор доносил уже министру внутренних дел о беспорядках в губернии. «В виду полученных мною от должностных лиц

и помещиков сведений о весьма тревожном настроении крестьянского населения в Новосильском, Богородицком и Ефремовском уездах... я с сего числа командую казаков в город Богородице из Тулы и в город Новосиль из Ефремова», — телеграфировал Шлиппе. Но губернатор, повидимому, понимал, что сила крестьянского недовольства велика, и одними репрессиями ее не укротить. И он 26-го марта в письме уездным предводителям дворянства писал: «Переживаемое ныне тревожное время вообще и весьма беспокойное настроение крестьянского населения в частности побуждает к принятию особенных и осмотрительных мер к сохранению добрососедских отношений помещиков с крестьянами и к возможному удовлетворению насущных потребностей сельско-хозяйственных рабочих... дабы избежать каких-либо столкновений».

Однако, губернатор недоучитывал одного и главного момента. Борьба на этой стадии становилась сугубо классовой и политической. Какими подачками ее остановить было нельзя. К началу весны крестьяне выступают уже сплошным массивом против господ. Со всех концов губернии доносилось в канцелярию губернатора телеграфом и рапортами, что крестьяне жгут именья, рубят лес, разбирают хлеб и барское добро.

Крестьяне отказывались платить подати и повиноваться властям. В начале апреля по этому поводу произошел напумевший на всю Россию инцидент балахнинских крестьян с органами власти. Крестьяне деревни Балахны, Богородицкого у., отказались платить подати. Для воздействия у них описали имущество и назначили его к продаже с торгов. Но торги объявлялись несколько раз, и на них никто не являлся, несмотря на широкую публикацию.

Радиустановка в избе — читальне (с. Люторичи Елифанского р-на)

Старшина пробовал на сходе отобрать у общества приговор о снятии с упорствующих неплательщиков земельных наделов. Он получил в этом единодушный отказ всего общества. Вмешался земский начальник. Последний привлек крестьян к уголовной ответственности, наложил штраф, заменив его позже за неуплату арестом. Но и это мероприятие не подействовало. Потребовалась военная сила.

7-го апреля в Балахну была командирована из Тулы полусотня казаков. Однако, приезд последних не устранил крестьян. Подати взяты не были. Правительству пришлось ограничиться арестами.

Крестьяне твердо стояли на своем. В анонимном письме Бобринским они писали: «Вы потише заноситесь... Летом будем жечь хлеб на корню, жечь хутора и бунтовать за свободу. Вы считаете землю своей собственностью, — нет, вы, господа ошибаетесь; собственностью называется то, что добыто своим трудом, а землю создала природа. Подождите, господа, скоро взойдет солнце правды, берегитесь вы тогда...».

В конце всей этой правдивой мужицкой философии шли требования: дать им земли, дать на обсев денег, увеличить поденную плату за работу и т. д. (плата у Бобринских составляла 22 коп. в день в летнее время—В. С.).

Лето 1905 года снова ознаменовалось неурожаем. Революция в городе к тому времени хлестала по самым твердым абсолютизмам. Огромная страна находилась во власти революции. Повсюду росли органы народного восстания—советы рабочих депутатов, без разрешения которых, как правильно замечает т. Невский В., не могла дымить ни одна фабрика, не мог двигаться ни один поезд. Волна революции в городе начинала сливаться в единый революционный поток с массовым крестьянским движением. Тем самым революция становилась грознее.

Кризис продовольственного хозяйства, которому было подвергнуто, как писал Левин, 10 млн. крестьянских дворов, настойчиво пробуждал умы кабатной деревни. Он вызывал все более организованные выступления крестьян против податей и бесправия, за землю и за волю.

В эту осень в Тульской губернии каждый вечер небо озарялось заревом пожара. Огненные языки жадно и уничтожающе лизали барские усадьбы. Крестьяне отказывались заключать арендные договоры и контракты с помещиками. Они считали, что «все равно» земля будет принадлежать завтра им, крестьянам. Повсюду стучали крестьянские топоры в барских лесах и парках. Крестьяне возили помещичий хлеб с полей, гумен и амбаров. Они приходили целыми сходами в экномии, снимали рабочих и приостанавливали всякие работы в барских хозяйствах. Сельско-хозяйственные рабочие шли заодно с крестьянами против хозяев.

Большую роль в крестьянском движении в революцию 1905 года играли городские рабочие. Они приносили с собой в деревню опыт борьбы города и рабочую организованность. Об этом мы находим в секретных делах губернатора множество донесений со стороны земских начальников, станковых приставов и прочих чинов полиции. Для иллюстрации приведем их несколько.

«В селе Ломинцево крестьяне собираются произвести погром господской усадьбы и местного огородника. Руководит делом прибывший из Москвы С. Заварзин. С приездом Заварзина народ собирается по вечерам на сходку в дом Говорухина человек по 30 и более и обсуждает политические вопросы»,—сообщал 25-го ноября 1905 года крапивинский исправник губернатору.

Он же через два дня, т.-е. 27-го ноября, вновь сообщал, что «в деревне Заволосовой крестьяне под влиянием прибывших из Петербурга и Москвы односельчан А. Фомина, И. Федина, В. Королева и др. предполагают произвести самовольную порубку леса удельного ведомства, находящегося в Богородицком уезде, а затем и погром усадьбы Лапухина в селе Хилкове».

Из Белевского уезда доносил 31-го ноября земский начальник 2-го участка, что «большое количество рабочих вернулось с заработков из Петербурга и подговаривают крестьян идти на помещиков... Сами себе готовят пики и топоры. Говорят, что пойдут, отберут землю, разобьют лавки и усадьбы и всех перебьют».

Страх помещиков и местной власти был вполне основательным. Борьба поднималась на высокую ступень. Требования крестьян принимали все больше классовый, политический характер. В этом немалую роль сыграла тульская организация Р. С.-Д. Р. П. Особенно ее влияние проявилось во время обсуждения крестьянами высочайшего манифеста 17-го октября.

Так, например, в Богородицком уезде крестьяне дер. Упертовки, обсуждая манифест, постановили на своем сходе: «Мы, крестьяне дер. Упертовки, Болотовской волости, выслушав высочайший манифест 17-го октября с. г., пришли к заключению, что крестьяне в настоящее время находятся в угнетенном состоянии, как правовом, так и материальном».

«Для улучшения этого положения необходимо немедленно же: 1) Отобрание всех земель, казенных, удельных, монастырских, церковных и господских, в пользу того, кто их обрабатывает. При чем каждому желающему обрабатывать землю должно быть предоставлено земли не больше того, сколько он может обработать своим трудом. 2) Отменить все стоящие за нами выкупные платежи за землю, данную нам при освобождении, так как давно уже уплачено больше, чем она стоит. 3) Уничтожить косвенные налоги и ввести прогрессивно-подходный налог в виду того, что косвенные налоги всю тяжесть ложатся на нас. 4) Уничтожить сословия и сословные преимущества. 5) Учредить суд, равный для всех. 6) Установить обязательное, общедоступное образование на государственный счет. 7) Дума, основанная на выборах по закону 6-го августа и 17-го октября, не обеспечивает удовлетворения этих нужд. В эту думу много из бедных лишены возможности избирать, а богатые пользуются большими преимуществами.

Необходим созыв,—заканчивает протокол сходки,—Учредительного Собрания из представителей всего народа, выбираемых всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Это Учредительное Собрание и решит, какая Дума и какие выборы для нас лучше».

Крестьяне дер. Алексеевки, Ефремовского уезда, писали в протоколе схода, что, выслушав «высочайший манифест 17-го октября с. г., а затем имея суждение о своих нуждах, мы, нижеподписавшиеся крестьяне, постановили: 1) что выборы наших представителей по положению о Государственной Думе не могут обеспечить защиты нужд и при современном законе Государственной Думы; 2) для удовлетворения наших нужд необходим созыв Учредительного Собрания, избранного всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием; 3) главные

Президиум Люторчанского сельсовета за обсуждением вопросов коллективизации.

нужды крестьян—увеличение крестьянского землепользования, отмена выкупных платежей, отмена косвенных налогов, сословий, учреждение равного суда для всех и обязательного, общедоступного образования на государственный счет».

В Крапивненском уезде крестьяне села Миленено и дер. Ключевки и Заречья на совместном сходе постановили: «Обсудив современное положение России, мы нашли, что старый порядок России должен быть уничтожен раз на всегда, что жизнь должна быть основана на свободных началах. А потому мы требуем: немедленного созыва народных избирателей на началах, выработанных рабочими и крестьянскими союзами, для утверждения народных прав, свободы совести, слова, печати, сходов, союзов, передачи всей земли народу и равенства полов».

Подобные приговоры выносились почти в каждом селе. Как 9-ое января, когда правительство попыталось утратить народ картечью, а получилось то, что он взялся сам за оружие,—так и манифест 17-го октября, вместо успокоения народных масс, вызвал в них невероятный политический интерес.

9-го января речь шла еще о реформах сверху. Вопрос шел тогда о кое-каких политических правах и о Государственной Думе по указу правительства.

Деревня в то время требовала только хлеба, понижения платежей, арендной платы и лишь отчасти земли.

В октябре на очереди уже стояло всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право. Борьба шла под лозунгом учредительного собрания. Деревня выступала вместе с городом. Она не ограничивалась теперь даже лозунгом земли. Деревня требовала, как и город, коренного социально-экономического преобразования России.

Правительство и помещики приходили в смятение. Революция начинала пугать и либеральный элемент. Пущенные правительством в ход штыки оказались бессильны. Кроме озлобления рабочих и крестьян, они не давали никаких результатов. Движение ширилось и росло.

В Тульской губернии насчитывалось к концу 1905 года 6.400 чел. солдат и казаков. Но этих сил не хватало. Губернатор ежедневно телеграфировал о присылке подкрепления то в московский военный округ, то в Петербург, в департамент полиции, но получал почти всегда отказ. Войска не хватало. В войсках зрело недовольство.

В самый разгар крестьянского движения, в декабре месяце, на запрос губернатора Осоргина командующий московским военным округом Шейдеман отвечал: «До прибытия с Дальнего Востока частей 13-го корпуса и демобилизации не представляется возможным командировать войска в Тульскую губернию».

А внутри губернии поступали сообщения и запросы о присылке войск. Князь Голицын 12-го декабря телеграфировал губернатору: «В имении моем Ланском (Ефремовский уезд—В. С.) крестьяне производят грабежи. Там находится исправник и 20 казаков, но крестьяне оказывают сопротивление. Положение крайне серьезное. Остальное имение в опасности».

Вслед за Голицыным 7-го декабря просил о помощи губернатора управляющий Бобринских, Бергман: «Малевский завод, все живое и мертвое имущество разгромлено. Убытки более 50 тыс. рублей. Покорнейше прошу прислать подкрепление. 15 казаков не могут справиться»,—телеграфировал он из Богородицка.

Губернатор в свою очередь телеграфировал 7-го декабря о положении дел в губернии в департамент полиции. «Порубки идут,—доносил он,—при 10-ти имениях: Кибени, Телятинках, Луневке и др. Движение прекратить по недостатку сил и полиции пока невозможно. Нехватает чинов даже для дознания. Крапивенских казаков, по окончании дел в Сурах, нахожу необходимым взять в Богородицк, где дело гораздо хуже».

В Сурах 29-го ноября крестьянами дер. Суры, Цыгановки и др. было уничтожено дотла имение Иванова, стоимостью до 35 тыс. рублей. Там оперировал отряд казаков во главе с вице-губернатором Хвостовым—Тульским Дубасовым.

Через день Осоргин снова телеграфировал Трепову, что «положение в Богородицком уезде угрожающее. Действующие там 70 казаков измучены и бессильны. Подкрепления нет. Введение усиленной охраны весьма желательно, но при непременно условии присылки войск». Губернатор, видимо, не мог понять, что положение было безвыходным не только в «его» губернии, а и во всей стране.

В городах рабочие захватывали основные форты самодержавной крепости. В войсках зрело явное недовольство. В деревне революция поднималась еще на одну ступень. Ее классовое острие направлялось вслед за помещиками на царских чиновников, попов и деревенское кулачество.

Одна за другой летели телеграммы и письма губернатору от чумазных помещиков из мужиков. В них они просили о защите частной собственности, присылке казаков. «Купил на трудовые деньги лес,—телеграфировал из Бе-

резовской волости, Ефремовского уезда, крестьянин-собственник Скарятин.— Крестьяне дер. Веригино рубят его. Собираются грабить жилища и скот. Защищите ради бога».

Революционное крестьянство все чаще приходило в столкновение с полицией. Оно не допускало обысков и арестов на селе. В декабре не мало произошло на этой почве открытых кровавых схваток крестьян с казаками. На сходах выносились приговоры обществ об удалении попов, как вредных для народа. «40 лет мы терпели его (священника.—В. С.), но пришел конец»,—писали крестьяне дер. Бутырок, Казанской вол., Богородицкого уезда.

Так голодное крестьянство, начав свое движение с вопросов хлеба и земли, в процессе борьбы пришло к революции, к активной политической борьбе против существующего строя, за новый порядок, за свободное развитие на свободной земле. Так вот решался вопрос о причинах застоя в сельском хозяйстве России и о дальнейших путях его развития. Так тульское крестьянство боролось под руководством рабочего класса и его партии против царского самодержавия в первой русской революции 1905—1907 года.

1905-1907 г.г. в тульской деревне.

По архивным материалам.

Уже весной—март 1905 г.—департамент полиции запрашивает губернатора (23/III) о настроении крестьян, т. к. по полученным сведениям, среди крестьянского населения Тульской губ. замечается сильное брожение, вызванное революционной пропагандой и циркулирующими в народе ложными слухами о предоставлении крестьянам земель господ, будто-бы изменивших государю. Анархия и возбуждение крестьян, по этим сведениям, будто-бы дошли до того, что достаточно малейшей искры, чтобы начался погром и грабеж помещичьих усадеб. Наличие такого настроения в ответе губернатора не отрицалась, а подтверждалась фактами. Уже не только была готова почва для волнений, но, как говорил крестьянин с. Глубокое, Веневского уезда (бывший рабочий завода «Густав Лист» в Москве), «чаша нашего терпения переполнилась».

Руководящее значение в ряде мест принадлежит рабочим, находящимся в деревне на побывке, они являются организаторами крестьянских масс. В Алексинском уезде фабричные крестьяне Яковлевской волости составляют приговор, в котором требуют прекращения взыскания с них повинностей, перехода в ведение крестьян продовольственных комитетов и прекращения выборов полицейских и десятников. В Белевском уезде такими агитаторами явились крестьяне-шахтеры, собирающиеся на святках в деревню, которые побуждали крестьян громить помещичьи имения. Вопрос аренды больше всего вызывал столкновений и наиболее ранний. Сначала крестьяне пытаются разрешить этот вопрос мирным путем, прошениями и ходатайствами перед губернатором. В апреле 1905 г. крестьяне д. Рыбинки, Маклецкой волости, Богородицкого уезда, послали губернатору ходатайство о том, чтобы он своим ходатайством предложил владелице Свербеевой передать им в аренду хотя бы 150 га земли, которая примыкает к крестьянскому наделу и считается в хозяйстве арендатора Смирнова самого худшего качества, только для того, чтобы обеспечить их существование. Крестьянское общество получило надел на 119 душ мужского пола, а в 1905 г. их стало 300 душ. С крестьян брались невероятные проценты за аренду, а за потравы скотом большие штрафы, так как земля владельца вплотную подходит к их земле и усмотреть за скотом нет никакой возможности. Крестьяне предлагали помещице еще больше денег, чем платили арендаторы, но та не согласилась. Земский начальник на счет этой жалобы производил следствие и писал губернатору, что крестьяне один раз арендовали землю и не уплатили помещице 1500 руб., почему она не хочет им отдавать, что арендатор купец Смирнов «благодушно» относится к потравам крестьянским скотом и что он склонил Смирнова согласиться на передачу крестьянам в аренду хотя бы небольшого участка земли, чем крестьяне «вполне удовлетворились и совершенно успокоились». Какое это было спокойствие, видно из того, что уже в мае мы имеем случаи организованного протеста крестьян на почве аренды, далеко не мирного характера. В Веневском уезде, в дер. Радино-Бохча, Толстовской вол., в имении д-ра Глазштейна, арендуемом кулаком Ф. Жаровым, произошли аграрные беспорядки на почве арендных отношений.

4 делегата, посланные от крестьянского схода, избили Жарова, а ночью произошел поджог дома, все сгорело до тла, как постройки, так и движимое имущество.

В Вeneвском уезде на почве арендных отношений были еще большие беспорядки в с. Березовке—имение Овсянникова и Князева, первый жил в Варшаве, второй—в Вeneве, сами хозяйство не вели, а сдавали в аренду 425 га пашни и заливных лугов кулаку Кочукову в течение 15 лет. Крестьяне были очень стеснены тем, что небольшой луг владельца в 7 га был расположен на границе их общественного выгона так, что отделял их от водопоя и лишал возможности удержать скот от поправы луга. Владельцы отказали крестьянам в пользовании лугом, так как срок договора с Кочуковым должен истечь через 2 года, иначе надо платить неустойку, крестьяне плохо платили, по их мнению, и плохо обрабатывали, а они владельцы жили с этого. Крестьяне собрались на сход, послали к арендатору 6 выборных, которые пошли к нему с шумом и криком. Кочуков, предупрежденный об этом, с семьей и рабочими уехал за реку. В то же время крестьяне и в особенности женщины стали растаскивать топливо из-за загородки, разрушив ее.

Не только помещик, дворянин, землевладелец, бывший барин, был объектом крестьянских восстаний, но и лица других сословий, приобретшие или арендовавшие землю у помещиков за период после 1861 г. Об одном выступлении против кулака Басманова уже говорилось. Кулак дер. Веригино, Ефремовского уезда, Иван Скарятин (ноябрь 1905 г.) пишет в телеграмме губернатору, что крестьяне хотят рубить лес, грабить жилище и скот, которые он купил на «трудовые» деньги. «Защитите, бога ради»,—зывает он. Но крестьяне знали какие это «трудовые» деньги и к кулакам, скупившим земли или арендовавшим их, относились особенно непримиримо.

Далее, в летний период 1905 г. происходит ряд столкновений из-за пользования лугами, уборки сена и т. п. В июле крестьяне с. Нижних Дубков Одоевского уезда, самовольно пасли своих лошадей на скошенных лугах владельца Севей и Бове и требование старосты о прекращении не исполнили. Крестьяне 30 лет после уборки сена и урожая, пасли свой скот на основании словесного разрешения владельцев, а помещица заявила, что раньше пользовались, т. к. спрашивали разрешения, а теперь поступили самоуправно.

В конце мая в имении Толмачова, с. Барыбино, Тульского уезда, крестьянская молодежь сняла плетень возле луга 12 саж. Крестьяне, убирая у него по условию хлеб за угодия, для своего скота лугами не пользовались и сговорились уничтожить изгородь, с целью дать скоту возможность свободного доступа и привели решение в исполнение.

В Белевском уезде крестьяне просто увезли у помещика кн. Черкасского сена на 500 рублей.

В Крапивенском уезде крестьяне д. Новой Зубаревки подошли к усадьбе арендатора Кузнецова с вилами и лопатами и требовали удаления изгороди на прогоне, один крикнул: «Разве ты хочешь, чтобы мы сделали с тобою, как крестьяне с гр. Бобринским».

В с. Нивках, Одоевского уезда, общество крестьян в полном составе отказалось убирать помещику Арсеньеву участок ржи в 20 га, как уплату 135 рублей по судебному решению. Земский начальник объясняет, что это произошло вследствие прокламаций, разбросанных в конце июля в с. Нивки, в которых рекомендовалось не выполнять принятых на себя обязательств.

В Черномском уезде летом уже были пожары, поджоги скотного двора, риги, хозяйственных орудий в с. Федуловских Выселках Цурикова и в с. Прилепах Сухотиной. Подозрение было на крестьян, по словам владельцев, мстивших за передачу земли в аренду.

В связи с усилением революционного движения в городах, настроение в деревне, по словам одного из исправников, 27/XI—1905 г. становилось очень и очень тревожным. Один земский начальник пишет, что деревня наполнена кляузниками, которые готовы всегда написать жалобу. Полиция особенно стремилась к тому, чтобы отыскать того, кто писал жалобу и удалить его, надеясь, что без таких жалобщиков темных крестьян будет легче держать в повиновении. Но для правящего класса, для помещиков было ясно, что предстоит решительное столкновение с крестьянством, подобного которому еще не было и что надо защищаться с оружием в руках. Один из белевских помещиков просил губернатора разрешить ему иметь пулемет.

Исправники в своих донесениях губернатору неоднократно жалуются, что царскую особу поносят матерно, называют «Николкой» и т. п. Сказывалось

таким образом, определенное влияние города, нелегальной литературы, и политическая сознательность деревни росла. Выступления крестьян осенью и зимой были более решительны и касались, главным образом, пользования лесами.

Лесной голод доводил крестьян до отчаянных попыток. Крестьяне Ненашевско - Орловской вол., Епифанского уезда, раскрывали риги, амбары, сараи, чтобы сварить картошку, а у кого их не было — отпиливали углы у изб, в чем пристав при дознании лично убедился, пройдя по дворам. Неоднократные и массовые порубки лесов из-за крайней нужды в топливе особенно были сильны в Епифанском уезде, лопухиновские крестьяне имения Толстого, уличенные

Группа жел.-дор. рабочих ст. Тула, М.-К., принимавшие активное участие в рев. 1905 г. по линии участка дороги.

в краже леса, выяснили, что они сознают свое безвыходное положение, а потому им больше ничего не остается, как решиться на кражу.

В Одоевском уезде также происходит самовольная порубка лесов. Кроме того, неурожай 1905 г. особенно сказался в таких малопродуктивных уездах, как Одоевский; крестьянам надо было доставать хлеба, а помещик у них из-под носа сбывал хлеб на сторону. Крестьяне с. Радуговиц, узнав, что помещик хочет продать хлеб, требовали у управляющего, угрожали насильно взять хлеб, если не продадут рожь — по 60 коп., муку по 70 коп., а овес по 40 коп. за пуд, а на сторону обещали не выпустить.

В Богородицком уезде — также массовые порубки леса. В с. Барятино произошло целое столкновение из-за леса. Крестьяне с. Барятино избili крестьян с. Красавки, нанятых сторожить Барятинский лес. В своем донесении исправник отмечает, что более половины барятинских крестьян отбывали тюремное заклю-

чение, народ грубый и отчаянный, при обыске держали себя крайне дерзко и вызывающе. Крестьяне с. Рогачи и Ломовки беспощадно рубят деревья, собираются сжечь усадьбу и выгнать владельца. Настроение их обостряющее и возбужденное. Разграблен (5/XII) Малевский хутор гр. Бобринских, вывезен весь хлеб, уведен рогатый скот и лошади, увезен инвентарь и домашнее имущество, кроме того, зачинщики категорически заявили, что они разобьют волость и побьют начальство.

В Крапивенском уезде также массовые порубки леса, и погромы и поджоги усадеб, крестьяне волнуются, что не получают хлеба и дров, угрожают, что возмут скот, хлеб и поделят помещичью землю; поджог в д. Кожуховке Добродеевой, в Сурах, Спасской вол. Грабят лес в имении Гагариной.

Сознательность и организованность крестьян быстро растет, они выступают с определенным заявлением своих прав на землю. В имении Самарина в Моложенской вол., Веневского уезда, крестьяне заявили, что они—хозяева этого имения, приказали служащим получить расчет и удалиться. Они уже не действуют отдельными толпами, а целым селом, деревней. Сначала они обращаются к исправнику, земскому начальнику собрать сход для обсуждения своих нужд. Если им отказывают, они все-таки собираются. В д. Нестеровой, Одоевского уезда, крестьяне взяли у учителя ключи от школы и там обсуждали волнующие их вопросы, при чем исправник пишет, что неизвестно, о чем там говорили, но в толпе было 2 флага.

Крестьяне всем обществом требуют у помещика (Глебова) дров, всем обществом отказываются убирать помещику рожь (Арсеньеву в Одоевском уезде); устраиваются митинги, шествия с революционными и противоправительственными суждениями (с. Ломинцево, Крапивенского уезда, Ломовка, Рогачи, Богородицкого уезда).

В с. Сорочинки, Крапивенского уезда, в конце ноября 1905 г. крестьяне оболенского общества устроили манифестацию; шествие. На сходах и собраниях составлялись резолюции-приговора об уничтожении старого режима (3/XI—1905 г., Милеши, Крапивенского уезда).

В с. Сорочинки, Крапивенского уезда, крестьяне оболенского общества произвели манифестацию с красным флагом с надписью «Свобода». В манифестации участвовало много детей-подростков. Земский начальник, сообщая об этом губернатору, пишет, что манифестанты, по слухам, намеревались разгромить зажиточных обывателей из местных крестьян, бывших трактирщиков, сейчас занимающихся торговлей, но манифестация окончилась без погрома.

Крестьяне с. Миленипа, Крапивенского уезда, собравшись на сход «для обсуждения современной смуты и прошлого русского народа» постановили: что старый порядок русской жизни должен быть уничтожен раз навсегда, что жизнь должна быть основана на началах братства, равенства, свободы полов и народностей России, а потому требуют немедленного созыва народных избранников на началах, выработанных крестьянскими и рабочими союзами для утверждения народных прав передачи всей земли народу, уничтожения сословий, чинов, орденов, уничтожения полиции, полной амнист. для лиц, пострадавших когда-либо за народные права, отмены военного положения и смертной казни, надзора за казною и ее расходами, всеобщего бесплатного обучения, удовлетворения всех рабочих требований, земских, судебных. Приговор этот просили газету «Сын Отечества» напечатать и представить г. Витте и «народным избранникам» для руководства. Приговор был напечатан.

В Красногорской волости был собран волостной сход в присутствии земского начальника. Бывшим ранее сходом было сложено жалованье с волостного старшины с 480 р. до 180 р., а с волостного писаря с 550 руб. на 250 руб.

Земский начальник предложил оставить им прежнее жалованье, на что сход не согласился, тогда он предложил им разойтись. Один крестьянин с. Лесок, топнув ногой, крикнул: «Нет, не пойдем отсюда, смените старшину!» и обращаясь к крестьянам, сказал: «Не пускайте земского начальника, пусть он нам сейчас же сменит старшину, что нам начальство»; некоторые крестьяне кричали: «Долой старшину, долой писаря!».

В с. Упертовке, Богородицкого уезда, состоялся сельский сход, на котором был заслушан манифест 17 октября, а затем крестьяне имели суждение о своих нуждах, при чем постановили, что для улучшения этого положения необходимо немедленно:

1) отобрать все земли казенные, удельные, монастырские, церковные и частновладельческие в пользу того, кто их обрабатывает, при чем каждому должно быть предоставлено земли не больше того, сколько он может обработать своим личным трудом;

2) отменить выкупные платежи, т. е. давно уже уплачено больше, чем стоит земля;

3) уничтожить косвенные налоги и ввести промыслово-подоходный, в виду того, что они всей тяжестью ложатся на крестьян;

4) уничтожить сословия и сословные преимущества;

5) учредить суд, равный для всех;

6) установить обязательное общедоступное образование на государственный счет;

7) дума, основанная на выборах по закону 6 августа и 17 октября, не обеспечивает удовлетворения этих нужд. В эту думу многие из бедных лишены возможности избирать, а богатые пользуются большими преимуществами,—необходим созыв учредительного собрания из представителей всего народа, выбираемых всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Это учредительное собрание решит, какая дума и какие выборы лучше. Приговор постановлено

1) послать в губернскую земскую управу для представления, куда следует, 2) копию послать в бюро крестьянского союза и 3) опубликовать в газетах.

В дер. Озерские Выселки, Богородицкого уезда, служащий на бобриковской шахте составлял проекты приговоров и раздавал по обществам. В с. Смородине, того же уезда, читался его приговор и крестьяне подписывали, а пункты были такие: 1) вся земля должна принадлежать народу, 2) земли монастырские, церковные, удельные, кабинетские должны быть отобраны без выкупа, а 3) земли частных владельцев частью без выкупа, частью с выкупом. Конечно, приговор упертовского общества является не единичным в этом роде, с требованием на частичный выкуп земли. Но больше было требований на отбор земли без выкупа.

Крестьянская масса скоро пришла к убеждению, что добровольно помещики землю не отдадут, нужна сила, сила вооруженная против вооруженной охраны помещиков—стражников, казаков. Крестьяне вооружались. Хотя точно установить нельзя, откуда они снабжались оружием, отчасти это можно поставить в связь с японской войной, а относительно другого пути можно судить по обращению начальника губернского жандармского управления к губернатору, в котором он указывает на необходимость разоружения железнодорожников, снабженных оружием во время железнодорожной забастовки зимой 1905 г., железнодорожники же были тесно связаны с деревней. Большие нападения крестьян на помещичьи леса, поля и амбары сопровождалась выстрелами из ружей и револьверов. В Богородицком уезде говорили о существовании бомб и гранат у крестьян; в с. Маклец было много оружия.

1906 и частью 1907 годы крестьянское движение достигает наивысшего под'ема.

1905 год был только началом революционного движения, охватившего деревню. Наряды переписки об аграрных беспорядках канцелярии тульского губернатора из тонких в 1905 г. вырастают в 1906 г. в толстые тома. Основные моменты столкновений все те же, но количество их значительно увеличивается, выступления проводятся более организованно, они «орабочены», т.-е. распространяются забастовки и снятие рабочих во время уборки лугов и полей и отказ крестьян от работы. Попрежнему многочисленны столкновения на почве аренды.

В деревне Клейменово, Алексинского уезда, крестьяне решительно поставили вопрос об аренде помещичьей земли. В своем приговоре на сходе, куда явились от 37 дворов домохозяева, единогласно постановили обратиться с просьбой к губернатору и вот, что они писали: «В деревне Клейменово хозяйство ведет не сама владелица, а арендатор Строков, который, как и всякий арендатор, старается извлекать себе пользу из всего, начиная от самой пустой и случайной потравы. Понятно, при таких условиях между нами, крестьянами, и арендатором отношения давно уже дурные, но до сего года мы удовлетворялись арендой при д. Тяпкиной. В настоящем же году владелица Тяпкина, боясь резких угроз своих крестьян, сдала землю им, хотя земля эта и была раньше сдана ею нам. Не желая вызвать беспорядков, мы отказались от аренды земли в Тяпкине и обратились к своему арендатору с просьбой, чтобы он уступил нам арендуемую землю, при чем мы согласились платить за землю дороже его. Он нам отказал, тогда мы действительно вспахали у него 4 га земли, о чем им было заявлено местной полиции, после этого мы земли у него не пахали. Но когда несколько дней тому назад он разрешил крестьянам д. Горки пасти своих лошадей в арендуемом им лесу, тогда мы решили на одну из арендуемых им полей в лесу выпустить и своих лошадей... мы имели больше права на пользование угодьем в имении наших бывших господ, чем соседи. В настоящее время дело обстоит так, что мы видим себя вынужденными приступить к посеву арендуемых Строковым полей. К этому нас побуждают следующие обстоятельства: 1) отказ нам в аренде земли при д. Тяпкино, 2) необработка земли в д. Клейменово владельцем, а сдача ее в аренду, при чем за аренду мы согласны платить дороже, 3) очень дурные отношения между нами и арендатором, от которого нам житья нет, 4) неурожай хлебов и трав в течение вот уже 2-х лет, доведший нас до нищеты и отчаяния».

Уполномоченные крестьяне д. Кармановой, Володьковской волости, в прошении губернатору описывают свое земельное положение, как они желали купить у владелицы Павловой землю, на что она изъявила свое согласие; далее они рассказывают о том, как они четыре раза были по вызову ее в ее экономии целым обществом, по десяти человек шесть раз, так, что у всех их терялось время целыми днями. Наконец, она согласилась продать землю и они три раза ходили в г. Белев для написания общественного приговора, каковой был нужен для представления в тульское отделение крестьянского земельного банка, при поездке производились расходы двумя уполномоченными, прожившими в Туле 4 дня. Отделение банка приняло приговор, признало его правильным на приобретение земли от г-жи Павловой и выслало нам необходимые бланки, словом сказать, дело было окончено, но крестьянам не повезло: «бедному нашему господину Михаилу Ивановичу Черкасову», пишут они: «обладающему не одной тысячью десятин земли, понадобилась и эта земля, которую он взял у г-жи Павловой на аренду, несмотря на то, что сам в своем хозяйстве не разберется, нынешний год у него осталось под снегом 40 десятин картофеля, но в этом

не цель его извлечь пользу от арендуемой земли, а лишь только посеять вражду между крестьянами и стеснить их скот на каждом шагу». Крестьяне просят губернатора предложить г-же Павловой уплатить им расходы с убытками за потерянное время целым обществом по вызову ею их в свою экономию, каковой расход и убыток они определяют в сто рублей.

В этих прошениях, вернее заявлениях, крестьян чувствуется их твердое убеждение в своем праве на помещичью землю, которое они проводят в жизнь, несмотря ни на какие препятствия к этому.

Крестьянам не только не хватало земли, даже в аренду помещик не всегда отдавал, но не хватало также и воды, к которой он не допускал крестьян.

Группа студентов с.-д. нелегального кружка в Богородицке—1897 г.

1. А. П. Поспелов, 2. Н. И. Доршкевич, 3. О. И. Бибиков, 4. П. И. Ивановский, 5. Простоклопов.

В имении купца Шербакова при ст. Толстая Дубрава, Одоевского уезда, Старолесковской волости, произошло волнение крестьян, они самовольно пошли копать колодезь в том месте, где им по уставной грамоте 1861 г. предоставлено было право мочить пеньку в так называемых прудках. Владелец Шербаков вызвал исправника, жалуюсь, что крестьяне хотят свезти копы с его полей. Исправник созвал сход, который совершенно отрицал намерение свезти копы, в котором обвинял крестьян Шербаков. Расследование этого дела исправником показало: 1) что питьевой воды у крестьян не было, она была большей частью негодна для питья или ее очень мало, 2) что владелец из своего колодца воды не давал и запрещал это под тем предлогом, что постоянные проезды крестьян мимо его усадьбы расстраивают ему нервы. В виду такого безвыходного положения крестьян, они начали при посредстве исправника переговоры с владельцем и тот разре-

шил им пользоваться его колодцем до весны, а потом обещал им на свой счет выкопать колодезь в другом месте.

Весной 1906 г. продолжают массовые порубки леса и происходит агитация о запашке помещичьей земли. Отмечены случаи в с. Сергиевском и сел. Львова, Крапивинского уезда, что приезжие из Москвы крестьяне, работавшие там, уговаривали своих односельчан пахать помещичью землю и жечь барское добро. За 1906 год наблюдается особенно много случаев поджога помещичьих строений по всем уездам. Целый ряд волнений происходит в июне и июле во время уборки лугов и полей. В Бучалках, имении кн. Голицина, крестьяне прекратили свои работы и устроили сходку для обсуждения своего экономического положения и выработки требований. Драгуны разогнали их нагайками.

Снятие экономических рабочих с требованием о повышении зарплаты приобретает массовый характер *) в Крапивенском уезде, с. Синяино, имение кн. Гагариной, в Заморойской вол., Ефремовского уезда—имение Самариных—снялись рабочие, которым грозили в случае невыполнения предложения изгнать насильно; в с. Галищах, Ефремовского уезда,—имение купцов Киндяковых—скосили овес владельца, признавая землю за свою собственность. Особенно неспокойные были июнь—июль месяцы. В Куркинскую волость, Ефремовского уезда, исправник телеграммой из лагеря под Тулой вызвал казаков, так как крестьяне избили стражников, собирались в толпы в 500—1000 чел., с Куркиным была установлена постоянная телеграфная связь.

В других местах: с. Никольское и имение Скобочево, Ивицкой волости, Одоевского уезда, Нижние Дубки, Рылеевской, д. Вратково, Ясеновской вол.—крестьяне пускают скот и загоняют его на луга помещика, прогоняя палками охраняющих эти угодья на том основании, что земля принадлежит им. Рабочие помещика Мясново (Крапивенский уезд) скосили часть крестьянского луга, крестьяне потребовали не только скошенного сена, но и помещачьего, что и было исполнено. В Луговской вол., Богородицкого уезда, бывшее имение Келлер, крестьяне решили не ходить на покос лугов к местному помещику Ершову, снять с поденки женщин и сказать, что они пойдут, если даст рубль женщине, два—мужчине, в других местах Богородицкого уезда также проходило снятие рабочих: с Балохно, с. Пруды, с. Суходол (имение Хомякова).

В с. Мочалах, (Веневского уезда) крестьяне сняли экономических рабочих с работ и требовали мужчине 2 рубля, женщине 1 рубль.

В делах Тульского окружного суда имеются 3 связи дел, касающихся аграрных волнений по Ефремовскому, Епифанскому, Веневскому уездам, главным образом за снятие рабочих; на основании высочайшего положения крестьяне привлекались к ответственности за учинение беспорядков на почве экономических отношений. Из этого небольшого количества по Ефремовскому уезду 10 дел о снятии рабочих, главным образом по Куркинской вол., в д. Кинь-Грусть-Вознесенского, д. Рогозинке Контева, в д. Лучках—Миллер в д. Рязаново—Семилеткиной и др.

Случаи насилий над имуществом и личностью владельцев в 1906 г. учащаются. В имении Буше, Березовской вол., Ефремовского уезда, помещик был избит и ранен камнями в голову, в имении Лейендорф-Кузовка, Богородицкого уезда, 11-го мая крестьяне произвели разгром, потоптали огород, разгромили имущество арендатора Большакова. В Кузовке много лет было неспокойно: выгон в 7 кл. длиной находился между двух слобод и клином врезался в черту крестьянской оседлости. По суду было постановлено размежевать этот выгон, но крестьяне 3 раза не допускали землемеров отмежевывать выгон, производили порубки сада и леса. Без поддержки военной силы, по мнению исправника, Кузовки нельзя успокоить.

Выступают крестьяне и против церковного землевладения. В с. Башеве, Ивицкой волости, вместе с выступлением крестьян против арендатора имения Войнич—купца Кутепова было соединено выступление против местного священника Мерцалова. Приговор крестьян 1 января 1906 г. состоял в том, чтобы поденная плата женщине была зимой 30 коп., летом 50 коп., мужчине—1 р., отработка 2-х га 20 рублей, устранить Кутепова и удалить священника Мерцалова. Дознание, произведенное исправником, подтвердило, что Кутепов сильно прижимает бедноту, затрудняет крестьян в прогоне на водопой скота, эксплуатирует крестьян, дает займы муки, денег и требует, когда их нет, или отработку 2-х га иначе налагает взыскание, платит своим крестьянам меньше, чем другим, так как они в долгу у него, расходует деньги единолично без

*) И является типичной формой крестьянского движения в б. Тульской губ.

отчета, а священник Мерцалов увеличил непомерно суммы денег за требы и называет всех крестьян «пьяницами». В августе 1906 г. крестьяне с. Хрущево, обсудив на сходе в 300 чел. вопрос о перекашивании общественного сенокоса при этом, решили скосить сами весь участок и в тот же день исполнили, но убрать сена им не удалось, так как священник сказал становому, тот приехал с 10-ю конными стражниками и не допустил крестьян убрать сено, а крестьяне не допустили причта убрать его, и сено осталось на лугах. В этом же году был поджог имения Ченкино, Свято-Духовского монастыря—крупного владельца в Новосильском уезде.

В конце 1906 г. происходит, кроме того, ряд нападений и экспроприаций церковных касс и попов-капиталистов.

Агитация политических партий о сопротивлении набору новобранцев не осталась безрезультатной. Настроение новобранцев при осеннем наборе было очень беспокойное. В Одоеве разбрасывались прокламации среди новобранцев; ночевавшие в ночлежке новобранцы подняли бунт, ломали мебель, били посуду, в другом городе разгромили лавки, вблизи вокзала железной дороги. В Богородицке также отмечена агитация во время осеннего набора. Все это,—несмотря на бдительный надзор полиции, на обыски и аресты лиц, подозреваемых в агитации среди новобранцев, на особый надзор за призываемыми лицами, подозрительными в политическом отношении по особым спискам.

Еще одна форма крестьянского протеста в 1906 г., это—отказ от уплаты платежей и повинностей. По селам было разослано объявление губернатора «крестьянскому населению Тульской губернии» с указанием сельским старостам «прибить у себя на видном месте».

1) Все казенные, земские, страховые и мирские подати и повинности должны быть уплачиваемы исправно и своевременно. 2) Неуплата этих податей и повинностей ставит в затруднение как государство, так и земство и волостные правления и не может быть терпима. 3) В случаях упорного уклонения от платежей к неплательщикам будут принимаемы без всякого снисхождения самые строгие, указанные в законе, принудительные меры.

В Луговской вол., Богородицкого уезда, в д. Тетерках и 1-я Лупань возникли беспорядки в связи с оценкой и продажей имущества за неуплату страховых и окладных сборов. Исправник доносил губернатору, что туда будут посланы: его помощник, пристав и 20 стражников и просил разрешить вызвать 2 взвода драгун и арестовать 3-х, особо сопротивлявшихся крестьян на 3 месяца.

В д. Тетерках крестьяне Степанов и Евдокимов отказали в подводе для вывоза отобранного имущества, а последний кричал: «Какое имеете право продавать, я вон отдал одного и будет с вас», (т.-е. он отдал сына в солдаты), на его крик собрался народ со всей деревни и «стадом» шел впереди старшины, на предложение урядника разойтись, они перешли на другое место. «Не желая осложнять обстоятельства» урядник перенес торги с 15/XI на 24/XI и просил дать в помощь усиленный наряд и арестовать Евдокимова и Степанова.

В деревню 1-я Лупань 16 ноября прибыл луговский волостной старшина на аукционную продажу имущества и начал с дома крестьянина Хритошкина. Там не оказалось описанных 4-х овец и поросенка, старшина велел взять 5 кур. В этот момент явились все крестьяне, за малым исключением, и заявили, что продажу они не дадут производить. Когда старшина им сказал, что продажа ему разрешена земским начальником, то они ответили, что земский начальник им овец не наживал. Объяснение, что эта продажа—в пользу казны, не помогло, тогда он приказал им разойтись по дворам, крестьяне ответили: «Расходитесь, вы по дворам, а мы дома». Старшина, видя скопище и намерение воспрепятствовать продаже скота, зашел с другого конца деревни в дом крестьянина Привезенцева и приказал десятским взять 3 овцы, народ явился и туда, крича:

«Не берите, все равно не отдадим». Сам же крестьянин Привезенцев сказал: «Денег я у вас не брал и овец вам не дам». Старшина велел десятским брать, но в виду угроз со стороны собравшихся, его приказание они не исполнили.

На основании обязательного постановления губернатора за самовольный сход и сопротивление 14 человек крестьян д. Лупань из 17 домохозяев были присуждены к двухнедельному аресту, но так как всю деревню сразу под арестом держать было нельзя, то разделили на 2 партии, которые отбывали арест по очереди.

Ненависть крестьян с каждым годом все увеличивалась и в последние два года революции, т.-е. в 1906 и 1907 г.г. обратилась во вражду и мщение, поэтому во второй половине 1906 г. и в 1907 г. наблюдаются соответствующие формы, главным образом, поджоги имений, экспроприации как частных лиц, так и казенных учреждений (например, в деревнях—ограбление винных лавок).

Вот события 2-й половины 1906 г. в Тульском уезде: в Денисовской волости нападение на контору Картасеневского лесничества, на хутор крестьян Кузнецовых, снятие крестьян с работ в д. Каляевке, в Севрюковской вол. принудили владельца Хомякова выехать из имения и грозили его поджечь, в Басовской вол., в с. Судаково, имение Шеншиной,—4 поджога, на Косой Горе ограблена винная лавка, в Татевской вол., д. Мыза,—два раза ограблена винная лавка на большие суммы, в Сергиевской вол.,—нападение на винную лавку (д. Упская Гать), в Криволучье—имение Цветкова,—два пожара и порубки, в с. Новом—нападение на местного священника и ограбление его, в Частинской вол., с. Присады (Хитрово) поджог помещичьего имущества, с. Сенса (Керн)—нападение на управляющего и ограбление его, в Зайцевской вол., д. Комаренки—Чебышева—столкновение с арендатором, д. Бутурки,—нападение на винную лавку и ограбление ее, в Торховской вол., с. Медвенка,—нападение с ограблением, в Лаптево—нападение на помещика, который избит и ограблен.

Вот 1907 год в Епифанском уезде:

6/VII, Орловской вол., Полевые Озерки,—пожар, охвативший 13 домов, подозрение в поджоге, убытков 2545 руб.

17/VII, Красно-Покровской вол., с. Грязновка—Пугачевой,—пожар от поджога, уничтоживший конный двор с молотилкой и экипажами, убытки 2000 руб.

21/VII, Каменской вол., д. Княгинино, Бобринских,—пожар, уничтоживший 3 стога сена по 6000 пуд., убытки 2000 руб.

2/VIII, Милославской вол., д. Грязновка,—поджог имений, уничтожены рига с сельскохозяйственными машинами, 10 копен ржи, 20 четв. ржи в зерне, убыток 2500 руб.

23/VIII, Смородинской вол., с. Ивановское,—взяли у священника ключ и ограбили церковь.

18/VIII, Озеренской вол., с. Прилепки, — нападение на возчиков, везших водку в казенную винную лавку.

18/X, Рыхотской вол., с. Куликовка (Писарева),—пожар компоста картофеля в 600 четв., убыток в 1000 руб.

13/X, Соколовской вол., д. Александровка,—пожар риги с рожью и овсом, убыток 415 руб.

1/XII, Гранковской вол., д. Карачевка,—подстрекательство к неуплате повинностей.

15/XII, Новофедосовской вол., д. Шевырево,—поджог в имении Авловой.

В Богородицком уезде сплошной пожар. Особо выдающийся поджог имения в с. Суходол, Болотовской вол.,—в 2 часа ночи под 20 ноября в имении О. С. Челышевой сгорел скотный двор с 40 лошадьми и 24 коровами, убыток 10000 руб. Двое крестьян еще осенью обещали поджечь имение.

1907 год помимо бесчисленного количества поджогов ознаменовался двумя крупными аграрными делами: 1) в с. Маклец, Богородицкого уезда, 2) в Серебряных Прудах, гр. Шереметьева.

Последним крупным событием в истории крестьянского движения в 1905—1907 г. в Тульской губернии было крестьянское восстание в декабре 1907 года в селе Серебряные Пруды, Веневского уезда.

Большое село Серебряные пруды с населением свыше 5000 жителей принадлежало графу Шереметьеву. Очень велика была разница между количеством земли, принадлежавшей графу—13161,35 га и количеством земли крестьян, полученной ими в 1861 г.,—душевое количество наделной крестьянской земли в с. Серебряные Пруды было наименьшее во всей Тульской губернии, а именно: 0,46 га на душу. Волей-неволей на тяжелых условиях приходилось арендовать землю у графа; арендовали они ее в течение 40 лет и за эти долгие годы они уплатили столько денег, что земля, можно сказать, была выкуплена ими, выкуплена крестьянским потом и кровью. В 1905 и 1906 г. г. крестьяне не платили арендных денег: эти годы был неурожай, да и другие заработки уменьшились в связи с промышленным кризисом, за отсутствием заработков в городе, возвратились в деревню не только молодежь, но и такие крестьяне, которые долго были на заработках в Москве. К 1907 году недоимка арендных денег серебрянопрудских крестьян достигла не малой цифры — 48000 рублей. Несмотря на то, что крестьянам не откуда было взять таких денег, контора графа Шереметьева предъявила иск об уплате недоимки ко всему крестьянскому обществу, так как аренда была обусловлена круговой порукой, хотя действительными арендаторами была только половина крестьян.

Судебный пристав окружного суда по Веневскому уезду Кипарисов с поверенным гр. Шереметьева Смирновым, местным приставом, 4-мя урядниками и 5-ю стражниками безо всяких административных местных лиц и понятых общества, без подворных списков крестьян, вопреки закону 18 декабря 1907 г., приступил к поголовной описи имущества крестьян Замориной слободы, затем слободы Курдюки по исполнительному листу. Народ возмутился.

Большая толпа крестьян собралась у волостного правления и шумела. Когда мимо проехали из Замориной слободы в Курдюки судебный пристав со спутниками, их освистали и кричали, что до описи не допустят. Скоро ударили в набат, и толпа в 500 чел. направилась туда, где производилась опись, навстречу этой толпе сбегались крестьяне из соседних слобод. Опись была приостановлена и по телеграфу дали знать о беспорядках исправнику в Венев, который с 15-ю стражниками приехал к вечеру в с. Дудино в графскую контору. Телеграфное сообщение с с. Серебряные Пруды было прервано восставшими: столбы срезаны, проволока оборвана. Исправник вызвал волостного старшину, тот не пришел, тогда он приказал арестовать главарей движения Чибисова, Костылева, Кулаева, Лиличкина и Садофьева, которые и были арестованы 19 рано утром. Крестьяне, узнав об этом, толпой двинулись к с. Дудино. Исправник потребовал, чтобы толпа разошлась, иначе он прикажет открыть огонь, толпа не двигалась. Раздался набат. Теперь уже тысячная толпа надвигалась со всех сторон на стражников. Двукратная команда «пли» дала 2-3 безрезультатные выстрела. Как впоследствии оказалось по дознанию, произведенному жандармским ротмистром Павловым, это случилось, не по злому умыслу стражников, а такие случаи бывали за эти годы, но потому, что винтовки отпотели в избе и на 23° морозе застыли, будучи смазаны недоброкачественным салом. Толпа ободрилась, стала напирать еще больше, требуя освобождения арестованных. Во избежание дальнейшего натиска толпы, при отсутствии достаточной вооруженной силы, исправник отпустил арестованных. Толпа стала отступать от усадьбы и разошлась. 20-го на ст. Серебряные Пруды прибыли

«суд и расправа»: сам начальник Тульской губ., прокурор Тульского окружного суда и отряд кубанцев в 27 чел.

На станцию были вызваны для допроса волостные и сельские власти, вожаки снова были арестованы в порядке охраны, кроме Садофьева, который скрылся. Крестьяне пока не сдавались: ночью на 21-е в одной из крестьянских изб было собрание, где обсуждался вопрос о приобретении оружия с целью употребления его при задержании крестьян во время беспорядков, было очевидно, что против оружия необходимо также оружие. 21-го декабря губернатором был созван волостной сход, на котором он сам выступил с речью, в которой указывал, что неосновательно не платить аренды, ссылаясь на плохой урожай и отсутствие денег, убеждал благонадежных и домовитых крестьян не бояться угроз революционно-настроенной части населения, под влиянием которой находилось все село, и, наконец, потребовал взноса арендных денег под страхом суровых мер, дав сутки на размышление. Крестьяне, выступавшие на сходе по словам губернатора, вызываясь державшие себя на сходе, были арестованы. Губернаторская речь была подкреплена присутствием взвода кубанцев—против безоружной толпы. В результате утром 22-го начали поступать платежи и до 29-го декабря поступило 913 р. 26 к.,—незначительная сумма по отношению ко всей недоимке в 48 тыс. руб., да и откуда было взять эти тысячи. Неизвестно, какие меры принимались в дальнейшем для умирения крестьян, дело канцелярии губернатора об этом не говорит, пусть расскажут очевидцы и участники событий 1907 г. в с. Серебряные Пруды. Что касается вожаков движения, то они сначала по предписанию департамента полиции подлежали административной высылке, но потом они были привлечены к уголовной ответственности по ст. ст. 271 и 272 уложения о наказаниях, т. е. «за сопротивление законной власти с угрозами такого рода, что чиновник мог и должен был считать себя в опасности». Суд тянулся долго, почти до конца 1908 года. К сожалению, судебное дело это не сохранилось, но в губернаторской переписке есть сведения о том, что они были осуждены на 6 мес. тюрьмы, а потом высланы в Вятку.

В апреле 1908 года граф Шереметьев писал любезное письмо губернатору, в котором просил его сообщить о настроении крестьян с. Серебряных Прудов и тот сообщил, что там спокойно. Крестьянское движение с 1907 г. пошло на убыль, подавленное казаками, драгунами, полицией и др.

Серебрянопрудское восстание замечательно во многих отношениях: это было массовое крестьянское движение, без какого бы то ни было участия революционной интеллигенции, как было в Богородицком, уезде и вместе с тем в деле установлена связь этого движения с рабочим-пролетарским движением в городе вожди и главные участники или были на военной службе и на войне с Японией, или работали в городе на фабрике. Восстание в с. Серебряные Пруды явилось полной неожиданностью как для уездной полиции, так и для губернских властей, направивших, главным образом, усилия на искоренение политически неблагонадежных элементов из интеллигенции и прозевавших подлинное массовое революционное движение крестьян.

Рост политической сознательности и организованность восставших крестьян.

Трудящееся крестьянство уже не плохо разбиралось в политических вопросах и осознало себя, как класс, враждебный помещикам, под каким бы названием они не скрывались: казны, помещика, дворянина, монастыря, попа, арендатора, купца, кулака-хуторянина,—все они незаконно владели землей, орошенной крестьянским потом и кровью, и отбивали у них кусок хлеба. Хотя

расслоение деревни не достигло той степени, которая выявилась в 1917 году, но все же оно было налицо, и масса среднего и бедняцкого крестьянства была заодно с городским пролетариатом, а не с его врагами. Член государственной думы от Тульской губ., Денисовской вол., Субботин жалуется губернатору на враждебное отношение к нему крестьян, а также к его семье, вызванное его принадлежностью к реакционному черносотенному направлению. Ряд крестьянских приговоров свидетельствует об этом; среди них отметим приговор коптевского с/схода крестьян той деревни, которую помещица называла гнездом разврата и советывала министру внутренних дел выселить ее в Сибирь. Крестьяне имели суждения о своих насущных нуждах и о том бесправном положении в которое они поставлены своими мнимыми радетелями. Прежде всего они указывают на единственный выход—наделение земель без всякого выкупа: «вся земля выкуплена нашими дедами, отцами и нами не только деньгами, но потом и даже кровью», 2) не менее земли нужна свобода: «быть на положении низшего рабского сословия и находиться в исключительном положении относительно суда и порядка управления мы не желаем. Мы задыхаемся под опекой земского начальника и произволом полицейских властей, с уездным исправником во главе... Наши мирные села превращают в военные лагеря, а нас ставят в положение покоренного народа, с которым можно во всякое время расправиться шашками и нагайками, прикрываясь готовностью служить порядку и закону».

Далее идут 4 пункта: «1) наделение земель, 2) уравнивание в правах, 3) уравнивание по суду, 4) о выборности администрации. Сверх того указывается то, что необходимо осуществить немедленно:» 1) уничтожение должности земского начальника потому, что в опеке последнего ничего хорошего, кроме вреда, мы не видим и уверены что и не увидим; 2) отозвание из уездов всех карательных и усмирительных отрядов стражников, войск, казаков, которые не усмиряют, а, наоборот, возбуждают население; 3) без образования мы не можем хорошо разобраться в делах общественного и государственного правления, чем так искусно пользуются все угнетатели и грабители народа, мы требует всеобщего образования на государственный счет» Приговор заканчивается выражением сочувствия трудовой группе государственной думы и обещанием поддержки в ее борьбе с безответственными министрами (июль 1906 г.).

Роль вооруженной борьбы против крестьянства, поднявшегося на защиту своих прав.

Когда начались крестьянские волнения, то среди помещиков и правящего класса была какая-то растерянность, надежда на то, что-это такие же вспышки недовольства, как были раньше, но чем дальше, тем меньше оставалось надежды. Исправники, земские начальники, описывали в своих донесениях губернатору, как они уговаривали крестьян, как подействовали их увещания. Даже они при этом нередко отмечали безвыходное или крайне затруднительное положение крестьян. Приезжали они с 10-15-20 конными стражниками—аргумент для увещаний был основательный в лице вооруженной полиции. После обещаний крестьян, исправник или земский начальник со стражниками уезжали и опять начинались беспорядки. В Ивицкой вол., имение Скобачево землевладельца Осецкого, после отъезда исправника, доносившего губернатору, что «крестьяне остались крайне довольны, обещали не только в настоящее время, но и «во веки» никаких агрессивных мер не принимать, хором благодарили за оказанную помощь и проводили с самыми благими пожеланиями», в 6 час. утра произошел поджог скотного двора и сеного сарая. Еще лучше цену всех этих увещаний изображает землевладелец Осецкий в письме к исправнику после пожара: «Кроме сделанной Вами демонстрации, ничего не вышло и я предупреждаю Вас, что крестьяне зачинщики, ободренные безнаказанностью, будут дей-

ствовать более еще насильственное, поэтому имейте это в виду... В соседнем имении идет разгром. Вот тут-то обнаруживается вся деятельность местной полиции, весть электрически переходит в прочие селения о безнаказанности их действий». И помещик фактически был прав, так как никакие соглашения и увещания не имели твердой почвы. Правительство, местные власти, начиная с губернатора и кончая стражником, считали возможным подействовать увещаниями. Жизнь опровергала их предположения. В этом отношении помещики были более непримиримы, один белевский помещик требовал разрешения иметь пулемет. Помещица Клеопатра Алейникова предлагала министру внутренних дел выселять в Сибирь деревни, которые восстанут против помещиков, она писала: «Есть по России мирные села и деревни, где сидят спокойно и ждут, а те деревни, от которых нам жить невозможно, надо убрать. Те деревни, которые являются гнездами пропаганды, надо удалить. Это—рассадник разврата. Всюду, кругом они вносят революционную заразу».

В одном донесении одоевский исправник описывает, какое действие произвело даже появление стражников в восставшей деревне: «До прибытия стражников, которым я приказал ехать не торопясь, для сохранения сил своих лошадей, крестьяне, хотя и пьяные, (это указание имеется почти во всех донесениях исправников, но по всем обстоятельствам дела, большею частью является совершенно невероятным), но все-таки разговаривали человеческим языком, с появлением же стражников произошел страшный переполох: крестьяне с криками «нас хотят бить» бросились со двора имения, некоторые с плачем падали на колена, бабы и девки заголосили, картина получилась потрясающая и вместе с тем отвратительная; я тотчас же посадил стражников на коней и рысью отвел их далеко в сторону. Толпа слегка успокоилась и я попытался вновь поговорить с ними, но опять неудачно... Конным нарочным потребовали из Одоева несколько человек пеших стражников для занятия ими караулов в деревне, в каждой хате, чтобы до ареста не выпустить из домов баб, девок и детей.

На волостном собрании в Куркине, в присутствии жандармского ротмистра крестьяне держали себя непринужденно, во главе со старшиной, который задал ротмистру вопрос имел ли право пристав командовать стражникам стрелять в народ. Хотя стражники по малочисленности отказались, сход подтвердил, что это правда, а староста продолжал, говоря, что выставять стражников против толпы—это оскорбление народа.

С усилением аграрного движения для местных властей и полиции стало ясно, что своими силами с ним не справиться. Кроме того, многие помещики обращались непосредственно в центр за содействием, отсюда предписывали губернатору принимать энергичные меры; а губернатор просил не ослаблять тульского гарнизона, а усилить его в городах пехотой, а в уездах казаками. Уездное начальство прежде всего опасалось за казначейство. Крапивенский исправник, например, писал, что его полицейская команда из 5 чел. не в силах будет предотвратить расхищение денег и казенного имущества; его просьбу поддерживает городской купеческий староста, добавляя, что опасность может случиться во время ярмарки.

Казаки появляются в тульской деревне уже в начале (март-май) 1905 г. Количество военной силы особенно увеличилось с введением в Тульской губ. положения об усиленной охране—(декабрь 1905 г.). Вся губерния наводнилась казаками, драгунами; взвод в Веневе, взвод в Богородицке, полсотня в Епифани, взвод в Серебряных Прудах, взвод в Ефремове. Открывался настоящий внутренний фронт; вице-губернатор, выехавший в уезд, телеграфировал в Тулу: «Дороги ужасны, казачий взвод из Венева еще не прибыл, ожидается сегодня, оставляю его в Богородицке, а сам с другим взводом выступаю в Кузовку, которая по пути к «Карасям» (ст. жел.-дор.). За год этого внутреннего фронта накопился известный опыт в применении военной силы при крестьянских вол-

нениях, который нашел себе выражение в циркуляре председателя совета министров 15 сентября 1906 г., почему он нам многое объясняет в этих «усмирениях крестьянских волнений». В этом длинном и подробном циркуляре, между прочим, указывается, что руководящие лица ставят часто воинские силы в недопустимое, пассивное, выжидательное положение, давая повод к возникновению колебания в войсках, недопустима также, говорится далее, близкая постановка войск к мятежникам, из среды которых немедленно начинаются попытки привлечь солдат на свою сторону; кроме того, практикуется стрельба холостыми зарядами, и столкновения мятежников с вооруженной силой оканчиваются почти без исключения сильными потерями в их составе и невольным применением в целях самообороны огнестрельного оружия в таких размерах, которые в противном случае никогда не понадобились бы. Это объясняет один факт: веневский исправник просил прислать на подмогу из Тулы военное подкрепление, а ему сообщили, что казачью сотню прислать нельзя, так как 60 чел. из сотни находятся под арестом. Прибавим к этому, что по всей вероятности за отказ усмирять,—бывали и такие случаи в истории крестьянского движения, которые имели большое значение для пробуждения политического сознания среди войск.

Кроме казаков, были драгуны целыми эскадронами, которые действовали главным образом в Богородицком уезде. Донесения исправников напоминают настоящий фронт: «Дороги ужасны, казачий взвод из Венева еще не прибыл, ожидается сегодня, оставлю его в Богородицке, а сам с другим взводом выступаю в Кузовку, которая по пути к «Карасям». Вопрос стоял так, что без вооруженной силы ничего в деревне сделать нельзя и эта сила часто безнаказанно делала, то хулиганские выходы в пьяном угаре, на что жаловались губернатору ефремовские жители и жители других уездных городов, то бесчинства и вред. В газете «Русский Голос» появилось сообщение, что в Богородицком уезде пьяные драгуны пустили против крестьян, отказавшихся убирать сено купца Смирнова, холодное оружие, в результате много раненых. Кроме того, департамент полиции прислал губернатору копию жалобы крестьян, которая гласила: «Крестьяне Тульской губернии Богородицкого уезда, Маклецкой волости, д. Петровской. По договору с купцом Смирновым убираем сенокос, должны пахать пары. К нам нагнали солдат, бьют нас на смерть, 8 чел. забрали в тюрьму. Слезно просим защитить от насилия, расследовать дело, освободить заключенных. Ждем милостивого уведомления». Губернатор, после наведения справок в уезде, сообщил в центр, что все сообщенное не соответствует действительности, что драгуны содействовали при аресте зачинщиков насильственного захвата луга, которых не выдавала толпа, вооруженная вилами и косами, при чем двое крестьян получили ссадины. Таким образом, губернатор даже не мог опровергнуть фактов поранения и, очевидно, расправа с крестьянами была внушительная. Несмотря на всякие преграды, все-таки ряд случаев проник в печать, а было много таких, о которых знали только крестьяне, испытывавшие на себе все прелести драгунских пашек и казацких нагаек, поведение которых, по словам губернатора, было образцовое. Местная полиция в измывательстве над крестьянами доходила до невероятностей: становой пристав Крапивенского уезда Разумовский, приехав в д. Гамовку усмирять крестьян, заставил их совершить поголовное коленопреклонение и вознести молитвы к богу, а в случае протеста грозил из них наделать котлет.

При таком положении дела для помещиков оставалась надежда на штыки и нагайку—конные стражники, казаки, драгуны, аресты единичные и массовые, особенно когда был издан ряд обязательных постановлений—за их нарушение. Эффект получался другой: «С прибытием казаков и после нескольких арестов крестьяне заметно сделались почтительными и беспрекословно подчиняются требованиям» доносит губернатору веневский исправник. А крестьяне смотрели на это тоже определенно и говорили полиции: «Что с голоду умирать,

что от казацкой пули» и, несмотря даже на военную силу, энергично действовали против помещиков. Сознаться в этом им не всегда хотелось, и один исправник доносил губернатору, что казаки не применялись к действиям против населения в помощь полиции, а были только «показательное лицо». Из предыдущего видно, какая это была явная ложь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Революция 1905 года была разгромлена. Жестоко подавлены крестьянские восстания. Царизм подкрашивался под буржуазную монархию. В деревне законом 1910 г. создавались крепкие кулацкие хозяйства путем землеустроительных мероприятий по насаждению хуторов и отрубов. Однако, столыпинщина не имела успеха в бывш. Тульской губ., крестьянство встретило ее определенно враждебно, чему имеются многочисленные свидетельства, и процент хуторских хозяйств на крестьянских землях всех наименований был ничтожен, он не превышал одного—двух десятых процента в общей их площади.

Классы подводили итоги борьбы. Буржуазия и ее меньшевистско-ликвидаторские подголоски готовились к органической законодательной работе, к государственной думе

Ленин и его партия считали, что историческая задача революции 1905 г. —свержение самодержавия—не решена, царь не капитулировал, самодержавие только отступило, предстоят новые бои.

Основные уроки революционной борьбы 1905 года это—запоздалость вхождения крестьянства в революционную борьбу.

Революция 1905 года, по сути дела, была разбита еще в декабрьском вооруженном восстании в Москве, а между тем, наивысший темп борьбы крестьянства относится, главным образом, к 1906 году.

Попытка революционной борьбы вполне подтвердила правильность позиции большевизма во взгляде на рабочий класс, как гегемона, революции и его ведущую роль по отношению к крестьянству, а также реакционное и монархическое лицо либеральной буржуазии.

На основе уроков поражения 1905 года, пролетариат, под руководством ленинской партии, в 1917 году разбил самодержавие и буржуазию.
